

Российская академия наук
Институт российской истории

**ПО ЛЮБВИ,
ВЪ ПРАВДУ,
БЕЗО ВСАКИЕ
ХИТРОСТИ**

Друзья и коллеги

к 80-летию

Владимира Андреевича Кучкина

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва «ИНДРИК» 2014

Редакционная коллегия:

Б. Н. Флоря (ответственный редактор),
А. А. Горский, Е. Л. Конявская, П. В. Лукин,
П. С. Стефанович, С. В. Городилин

По любви, въ правдѣ, безо всякие хитрости.
Друзья и коллеги. К 80-летию
Владимира Андреевича Кучкина.
Сборник статей. М.: Индрик, 2014. — 352 с., илл.

ISBN 978-5-91674-288-6

Сборник посвящен 80-летию одного из выдающихся российских историков — Владимира Андреевича Кучкина. В нем представлены статьи по русской истории, источниковедению, исторической географии, истории языка и археологии X–XVII веков.

Для историков, филологов и широкого круга интересующихся отечественной историей.

Оглавление

Владимиру Андреевичу Кучкину — 80 лет	7
Список научных трудов В. А. Кучкина (2003–2013 гг.).....	10
<i>П. С. Стефанович.</i> Древлянская дань киевским князьям.....	19
<i>Е. А. Мельникова.</i> Росы и их пактиоты в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного	75
<i>И. Г. Добродомов.</i> Значение и происхождение древнерусского термина <i>къметь</i>	89
<i>П. В. Лукин.</i> Коровья татьба в Правде Русской	123
<i>Е. Л. Конявская.</i> День и ночь людей по ранним письменным источникам	132
<i>М. К. Юрасов.</i> Политика Гезы II по отношению к Руси после победы над Владимиром Володаревичем.....	140
<i>И. Г. Коновалова.</i> Об одном спорном этнопониме у ал-Идриси (<i>ан-н. б̄арийа</i>).....	157
<i>А. В. Назаренко.</i> Династический статус Курского Посемья в составе Новгород-Северского княжества в XII в.	169

<i>А. А. Горский.</i> Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича.....	179
<i>С. З. Чернов.</i> Переяславская дорога XIV–XV в. в районе Радонежа: историко-археологическое исследование	191
<i>Н. Г. Гришина.</i> К вопросу о датировке нашествия хана Тохтамыша на Москву в летописных источниках	221
<i>Б. Н. Флоря.</i> Власть, землевладельцы и «служилое» население в Рязанской земле конца XIV – начала XVI в.	229
<i>С. В. Полехов.</i> Браки князя Свидригайла Ольгердовича	235
<i>С. В. Городилин.</i> Три жалованные грамоты на Ростовский двор Троице-Сергиева монастыря: к вопросу о судоустройстве в Ростове в XV в.	269
<i>Ю. Г. Алексеев.</i> Кампания 1500 г. в свете новейших исследований	317
<i>А. С. Усачев.</i> Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в.	331
<i>Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова.</i> Вино и чернила: керамические «книги» из Подмосковья (предварительная публикация)	341
Список сокращений.....	350

П. С. Стефанович
Древлянская дань киевским князьям

---

1. *Летописное известие и его исследователи*

Красочный рассказ Повести временных лет (далее — ПВЛ) о гибели князя Игоря у древлян и последующем их покорении княгиней Ольгой принадлежит к числу хрестоматийных. Историки любят на него ссылаться не только потому, что он имеет захватывающий сюжет и сообщает яркие детали, редкие в клишированной литературе Средневековья. Этот рассказ дает также обильный материал для размышлений о таких важных исторических проблемах, как, например, устройство и внутренняя жизнь восточнославянских «племен» или политическая и военная организация Древнерусского государства, и служит наглядным свидетельством распространения и укрепления власти киевских князей над обитателями Восточноевропейской равнины. Популярности этому летописному тексту добавляет тот немаловажный факт, что достоверность главных лиц и событий, упомянутых в нём, не может подвергаться сомнению, так как они находят подтверждение в независимых от летописи источниках, прежде всего в почти современных византийских памятниках и договорах Руси и Византии 944 и 971 г. Это касается не только самого существования упомянутых лиц — Игоря, Ольги, Святослава, Свенельда, но и их статуса и событий, их касающихся, например, гибели Игоря, правления Ольги после смерти ее мужа, выдающейся роли Свенельда при киевских князьях и др.

В данном случае летописная информация о борьбе руси с древлянами рассматривается для того, чтобы высказать только один, но принципиально важный вопрос: что представляла собой дань, вокруг которой, собственно, и шла эта борьба и которая стоила жизни киевскому князю? Историческое значение этого вопроса едва ли нуждается в специальном обосновании — налоговая система является основополагающим элементом политической и

социально-экономической организации любого государства, и Древнерусское государство, как и многие другие средневековые государства, в значительной степени выросло из даннических отношений.

Ценность летописных данных в этом отношении давно уже осознана в историографии. Внимание обращается, главным образом, на сбор дани с древлян, о котором ПВЛ рассказывает несколько подробнее, чем в обычных упоминаниях об обложении данью «племен» или областей в пользу Киева. Летописный рассказ о походе Игоря за данью к древлянам сопоставляется с описанием образа жизни «росов» в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (гл. 9), и данные этих двух источников в совокупности служат важным свидетельством о *полюдьѣ* — системе экономической эксплуатации властной элитой Руси подчиненного населения.

Правда, в этом сопоставлении летописные данные занимают всегда второстепенное место, прежде всего потому, что ни самого термина «полюдьѣ», ни описания как такового этого института летопись не дает. Лишь по контексту можно догадываться, что Игорь нашел свою гибель именно во время полюдьѣ. Напротив, Константин не только употребляет славянский термин, передавая его в греческой транскрипции (*τὰ πολῦδία*), но и довольно подробно описывает это необычное явление «варварского» мира. Не случайно, что в историографии последнего времени этому описанию уделяется первоочередное внимание и его интерпретация становится ключевой для понимания, что собой представляло древнерусское полюдьѣ (ср. ниже). Приведу здесь же соответствующий отрывок из трактата: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в славинии вервианов, другивитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию»¹.

Не подвергая сомнению значение известий Константина, настоящее исследование ставит целью не их новый пересмотр, а более внимательное прочтение летописи. Главное, что доньше недостаточно используется при анализе летописных рассказов, — это возможность, которые дает сопоставление текстов в летописях, донесших ПВЛ, и в Новгородской первой летописи младшего извода (далее — Н1Лм).

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51.

В данной статье развивается подход, который я использовал уже в других работах² и суть которого сводится к последовательному применению идей А. А. Шахматова, касающихся истории древнерусского начального летописания. Центральными среди этих идей были две, которые являются исходными и для меня: во-первых, в НІЛм отразился свод, предшествующий ПВЛ (так называемый Начальный свод, далее — НС), и, во-вторых, самому этому своду предшествовали еще несколько этапов летописания. Создание ПВЛ относится к 1110-м годам, а НС — к началу 1090-х.

Прежде изложения взглядов А. А. Шахматова на соотношение двух летописных традиций в рассказе о древлянах и судьбе князя Игоря и суждений других исследователей по этому поводу приводятся тексты НІЛм и ПВЛ. Следуя А. А. Шахматову, я большее значение придаю связи рассказа о гибели Игоря с текстом, предшествующим ему, и меньшее — с текстом последующим. Рассказ о возмездии Ольги связан с дальнейшим описанием ее деятельности и представляет объект отдельного исследования. Ниже приводится обзор соответствующих отрезков летописного текста с известия об установлении дани Игорем (по ПВЛ — Олегом) после захвата Киева до окончательного покорения древлян Ольгой. Самые важные места цитируются настолько полно, насколько это необходимо для понимания содержания и контекста.

В НІЛм (по **Комиссионному списку**)³ рассказ об обосновании Игоря в Киеве, изложенный еще внутри первой годовой статьи 6362 (854) г., завершается сообщением о женитбе Игоря на Ольге и рождении от этого брака Святослава и словами «По сих же паки временех».

Далее следует статья под 6428 (920) г., рассказывающая о неудачном походе Игоря на Византию. Начинается она словами «Посла князь Игорьъ на грѣкы вои Русь скидеи 10 тысяць» и завершается — «Том же лѣтъ препочиша и другое, на третье идоша». За исключением этих вводной и заключительной фраз остальной текст опирается на сообщение Хроники Продолжателя Амартола о нападении росов на Константинополь, заимствованное, как считается в науке, не прямо из славянского (древнерусского) перевода Хроники, а из некоего хронографического источника («Хронографа по великому изложению»).

² Стефанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. № 12 (22). М.; СПб., 2011. С. 5–35; *Его же*. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 513–582.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 107–113.

Статья 6429 г. состоит лишь из короткой фразы, сообщающей о сборах Игоря и Олега в поход.

Статья 6430 г. начинается словами «Иде Олегъ на грѣкы» и вначале рассказывает об успешном походе руси и словен под предводительством Олега на Царьград. Затем она сообщает о приходе Олега сначала в Киев, а оттуда в Новгород и Ладогу. Это сообщение выглядит так: «Прииде Олегъ къ Киеву и ко Игорю, несъи злато и павлоки и вино и овощь. И прозваша и Олга вѣщии. И бяху людие погани и невѣгласи. Иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу. Друзии же сказаютъ, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре. Есть могила его в Ладозѣ».

Далее без перебивки повествование той же годовой статьи возвращается к Игорю и вплоть до следующей годовой статьи 6431 г. выглядит так: «Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа и воюя на древяны и на угличѣ. И бѣ у него воевода именемъ Свѣнделдъ. И примучи угличѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣнделду. И не вдадашется единъ град имене мѣ Пересѣченъ, и сѣде около его три лѣта и едва взя. И бѣша сѣдѣше угличѣ по Днѣпру вѣнизъ и посемъ приидоша межи Бѣ[гъ] и Днѣстръ и сѣдоша тамо. И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: се даль еси единому мужевѣ много. Посем скажемъ вѣ преключившихся лѣтех сих».

Все годовые статьи с 6431 (923) по 6447 (939) г. включительно оставлены пустыми, в рукописи лишь обозначены года: «В лѣто 6431. В лѣто 6432» и т. д. Статья 6448 г. выглядит так: «В се лѣто яшася уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнделду». Статья 6449 г. пуста, а под 6450 г. сообщается: «Вѣдасть дань деревьскую Свѣнделду тому же». Статьи 6451 и 6452 г. снова не содержат текста, и лишь следующая годовая статья 6453 (945) г. возобновляет повествование:

«В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ: отрочи Свѣнължи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назѣи, а поиди, княже, с нами на дань, а ты добудеши и мы. И послуша ихъ Игорь, иде в дань и насилѣше имъ и мужи его, и возмѣ дань, поиде вѣ свои град. Идущю же ему вѣспѣять, размысливѣ, рече дружинѣ своеи: идѣте с данью домовѣ, а язъ возвращася и похожо еще. И пусти дружину свою домовѣ, с малою дружиною вѣзратисѣ, желая болшаго имѣнѣи. Слышавше древяне, яко опять идетъ, сдумавше же древяне съ княземъ своимъ Маломъ: аще ся волкъ вѣ овца ввадит, то выноситъ все стадо, аще не убийотъ его. Тако и сеи: аще его не убиемъ, то все ны погубит. И послаша к нему, глаголюще сице: почто идеши опять? Поималъ еси всю дань. И не послуша Игорь, и изшедше древянѣ из града Корестенѣ противу и убиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало, и погребоша Игоря. И есть могила его близъ града Корестенѣ вѣ Древех и до сего дни».

Далее статья продолжается рассказом о планах древлян женить их князя Мала и Ольгу, оставшуюся вдовой в Киеве, и отмщении Ольги. Завершается статья 6453 г. словами «А Ольга възратися в Киевъ и пристрой вои на прокъ ихъ» (то есть древлян). Следующая статья 6454 (946) г. начинается заголовком и продолжает прерванный рассказ о борьбе с древлянами: «Начало княженья Святославля. В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ събра вои многи и храбры, иде на Деревъскую землю. Изидоша древляне прогиву, и снемшимася обѣима полкама на совокупъ, и суну копьемъ Святославъ на древляны, и копие летѣ сквозѣ уши коневѣ, бѣ бо велми дѣтескъ. И рече Свѣнделдъ и Асмуд: князь уже потягль, потягнѣмъ, дружино, и мы по князѣ. И побѣдиша древляны, и возложиша на них дань тяжку. И двѣ части дани Киеву идет, а третьяя Вышегороду ко Олзѣ, бѣ бо Вышегород Олгинъ град. И иде Ольга по Деревьстѣи землѣ съ сыномъ своимъ и с дружиною своею, уставляючи уставы и уроки...». На этом рассказ о покорении древлян заканчивается.

В ПВЛ в сообщении о захвате Киева первенствующая роль отдана Олегу, а не Игорю. И само это сообщение, и последующий текст очень сильно отличаются от приведенного выше и по объему, и по содержанию. Это отличие объясняется прежде всего тем, что у составителя ПВЛ были в распоряжении дополнительные источники информации — новые данные, извлеченные из Хроники Продолжателя Амартола (использованной в ПВЛ уже непосредственно по ее переводу), договоры руси и греков и др. Эти источники выявил и указал в издании-реконструкции ПВЛ А. А. Шахматов⁴. Он же показал, как эти источники осмыслились и перерабатывались в ПВЛ, и его выводы и наблюдения по этому поводу остаются в силе. Нет смысла перечислять все известия, основанные на этих дополнительных источниках, указываются только сообщения, источник которых прямо не выявляется, и те, которые так или иначе — по содержанию или текстуально — пересекаются с текстом, представленным в Н1Лм. Все эти сообщения оказываются связаны с историей Руси и даже точнее — историей Киева.

ПВЛ (по Лаврентьевской и Радзивиловской летописям⁵) сообщает о захвате Киева Олегом в статье 6390 (882) г. Заканчивается это сообщение указанием об установлении дани с Новгорода в 300 гривен.

⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2 (1-е изд.: 1916 г.). С. 602–639.

⁵ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 24–60. С конца статьи 6406 г. до статьи 6430 г. текст в Лаврентьевской летописи отсутствует и восполнен в издании Е. Ф. Карского по Радзивиловской.

Следующая статья 6391 г. содержит текст: «Поча Олегъ воевати деревяны и примучив [а], имаша на них дань по чернѣ кунѣ».

Статья 6392 г.: «Иде на сѣверяне и побѣди сѣверяны и възложи на нь дань легьку и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

Статья 6393 г.: «Посла къ радимичемъ, рька: камо дань даете. Они же рѣша: козаромъ. И реч(е) имъ Олегъ: не даите козаромъ, но мнѣ даите. И въдаша Ольгови по щлягу, якоже козаромъ да[я]ху. И бѣ обладая Олегъ поляны и деревяны, сѣверены, и радимичи, а с уличи и тѣверци имяше рать».

Далее идет ряд статей, основанных на Хронографе или Амартоле, и так называемое «Сказание о преложении книг на славянский язык» (или «Сказание о грамоте словенской»). В этом ряду видим одно известие под 6411 (903) г.: «Игореви же възрастьшу, и хожаше по Олзѣ и слушаш[е] ег(о). И приведоша ему жену от Пьскова именемъ Олену».

Под 6415 (907) г. изложен рассказ Н1Лм об успешном походе Олега на Царьград с некоторыми дополнениями и изменениями, в том числе со вставкой текста договора руси и греков («договор 907 г.»), который, как считается, был искусственно сконструирован составителем ПВЛ.

В статью 6420 (912) г. вставлен другой договор, аутентичность которого сомнению не подлежит. Он имеет точную датировку — 2 сентября. Русь в этом договоре была представлена во главе с «великим князем руским» Олегом. Передав текст договора и описав действия русского посольства, посланного в Константинополь заключить мир, летописец рассказывает о смерти Олега от укуса змеи и погребении его в Киеве. Этот рассказ основан явно на киевском легендарном предании, но летописец пытается вписать его в свою хронологию. Начинается рассказ так: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ кн(я)жа в Киевѣ, и приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свои...». Далее рассказывается о предсказании «кудесника» и о том, что Олег приказал убрать из стада его любимого коня. «...И пребы (Олег. — П. С.), — продолжается повествование, — нѣкол(ь)ко лѣт не видѣ ег(о), дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Киеву и пребывшю 4 лѣт, на пятое лѣт(о) помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви ум(е)р(е)ти». Таким образом, автор текста настаивает на точной датировке смерти Олега: в 6415 г. он совершил поход на Византию, затем четыре года «пребы» в Киеве, а на пятый год (6420-й) осенью умер.

В соответствии с этой хронологией следующая годовая статья 6421 (913) г. сообщает о начале княжения Игоря, согласуя его с датой начала правления очередного византийского императора: «поча княжити Игорьъ по Олзѣ. В се же время поча ц(еса)рствовати

Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И древляне затворишас(я) от Игоря по Олговѣ см(е)рти».

Статья 6422 г. открывается сообщением: «Иде Игорь на древляны и побѣдивъ а, и возложи на нь дань болши Олговы».

Следующее известие, не имеющее аналогий в сохранившихся памятниках, находим под 6452 (944) г. Это рассказа о походе Игоря на Византию, который не привел к боевым действиям, так как греки предложили руси дань больше той, которую дали в свое время Олегу. Целью Игорева похода было, как указывает летописец, «мстити» грекам за поражение, которое потерпел Игорь в 941 г. О походе в 941 г. ПВЛ сообщает под соответствующей статьей 6449 г., пересказывая, в сущности, тот же самый рассказ греческой хроники, который в Н1Лм послужил основой сообщения о походе Игоря в 6428 (920) г., хотя и несколько дополняя его еще по некоторым греческим источникам. Как следует из логики повествования, непосредственным следствием похода 6452 (944) г. было заключение нового договора между русью и греками. Во всяком случае, сразу после рассказа о походе начинается годовая статья 6453 (945) г., почти вся отведенная под текст договора. Этот договор не имеет точной датировки, но летописец и на этот раз, переходя к последующим событиям, пытается уточнить хронологию. Закончив описание утверждения договора в Киеве, он завершает и годовую статью словами: «Игорь же нача княжити въ Киев[ѣ] миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, и приспѣ осень, [и] нача мыслити на древляны, хотя примыслити болшею дань». Таким образом, по ПВЛ, Игорь собрался за данью к древлянам осенью 6453 г. после заключения договора с греками.

Как будто подчеркивая именно такую датировку, составитель ПВЛ, переходя к рассказу о гибели Игоря, передает его в отдельной годовой статье, но под тем же 6453 г. Этот рассказ излагается, начиная с обозначения годовой статьи («В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина...» и т. д.), практически так же, как в Н1Лм, лишь с небольшим дополнением в одном месте. После слов дружины, обратившейся к Игорю с жалобой и предложением идти «в дань», ПВЛ передает текст в таком виде: «послуша их Игорь, иде в Древа в дань и примышляше къ первой да[ни] и насиляше имъ...» и т. д. Ср. более кратко в Н1Лм: «послуша их Игорь, иде в данѣ и насиляше имъ...». Далее статьи 6453 и 6454 г. в ПВЛ сходны с Н1Лм за исключением одного важного отличия: в сообщении об окончательном покорении древлян помещен рассказ о «четвертой мести» Ольги (взятие Искоростеня). Рассказ носит вставной характер и основан, по-видимому, на киевских преданиях⁶.

⁶ См.: Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2 (1-е изд.: 1897 г.). С. 65.

Стоит сразу отметить, что теперешний уровень наших знаний не позволяет, как это делали многие историки XVIII–XX в., датировать смерть Игоря 945 г., просто механически переводя летоисчисление от сотворения мира в принятое ныне летоисчисление от рождения Христова. Выяснено, что договор руси и греков, помещенный в ПВЛ в статью 6453 г., был заключен в 944 г.⁷ А. В. Назаренко, опираясь на анализ произведений Константина Багрянородного, считает, что Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г., а значит, если учитывать, что его несчастный поход «в дань» к древлянам состоялся осенью, не ранее осени этого года⁸.

До А. А. Шахматова в историографии на данные НЛМ внимания практически не обращали, а известия ПВЛ на приведенном отрезке, в общем, не вызывали особых сомнений и дискуссий среди историков. Считалось, что еще Олег подчинил древлян, а затем дань с них собирал Игорь. После ропота своей дружины Игорь решил увеличить поборы и отправился осенью 945 г. в полюдье за данью к древлянам; собрав дань по повышенной ставке, он захотел и еще «большого имения» лично для себя, но в итоге погиб от собственной жадности. Древлян затем окончательно подчинила Ольга. В таком духе пересказывали или объясняли летопись Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин и др.⁹ Особенно подчеркивались отсутствие способностей государственного управления у Игоря и его корыстолюбие в духе свойственного XIX в. психологического подхода к объяснению исторических событий.

По существу лишь одно важное разногласие возникло среди историков в XIX в. В результате сопоставления летописи с данными Константина Багрянородного и с упоминаниями полюдья в XII в. встал вопрос, было ли полюдье только кормлением в собственном смысле слова, то есть пропитанием и проживанием участников объездов, или включало также сбор всей причитающейся дани, а может быть, и другие действия. Константин ничего о сборе налогов

⁷ См. о датировке договоров руси и греков X в.: *Каиштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 54–57.

⁸ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 261–263.

⁹ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 117–118; *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. III. С. 135–138; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 1 // *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 142–143; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 109–110.

не писал, указывая только, что во время полюдья росы «кормились» (διατρέφόμενοι). Зато ПВЛ прямо говорила, что Игорь пошел именно «в дань». Н. М. Карамзин, первым сопоставивший летопись и главу 9 трактата императора, понимал «объезды» широко — как сбор дани и вообще «укрепление общей государственной связи между разными областями». Ему последовало большинство историков, в том числе, например, В. О. Ключевский, который подчеркивал экономическое значение полюдья, понятого в таком широком смысле: материальные ценности, собранные как дань, росы отправляли летом на продажу в Византию и на Восток¹⁰.

В. И. Сергеевич, а вслед за ним М. А. Дьяконов, опиравшиеся в большей мере не на данные Константина, а на упоминания полюдья в древнерусских актах XII в., предложили иной подход. В. И. Сергеевич обращал внимание на то, что под данью в допетровской Руси могли разуместь как вообще все налоги и сборы — и в этом случае она выступала «родовым понятием», — так и отдельные конкретные поборы. «Дань», за которой, согласно летописи, отправился к древлянам Игорь, — именно второй с= когда слово употреблено как «видовое понятие». Тогда, считал В. И. Сергеевич, имелся в виду «даровой сбор», «подарки». И росы, упомянутые Константином, и Игорь, герой летописного рассказа, ходили не за всей данью, а только за «подарками, которые подносило население князю во время осенних его выездов». «Последний отголосок такой даровой дани» — это «дар», который причитался князю в Новгороде, согласно договорам XIII–XV в.¹¹ М. А. Дьяконов, правда, оговаривался, что фактически «во время объезда территории князь мог получать не только подарки, но и дани, судебные пошлины», поэтому в некоторых случаях под полюдьем мог подразумеваться и сбор всех или большей части даней. Тем не менее изначально и преимущественно, по его мнению, полюдье подразумевало сбор именно даров князю и составляло отдельный налог¹². Это разногласие сохраняется в литературе до сих пор, как увидим ниже.

Некоторые нестыковки в известиях ПВЛ и расхождения ее с Н1Лм иногда отмечались, но им не придавалось большого значения. Так, Н. М. Карамзин обратил внимание на расхождения между «Нестором» (то есть ПВЛ) и Н1Лм по поводу того, в пользу кого шла древлянская дань до несчастного похода Игоря (ему или Све-

¹⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. Т. I. С. 165–167.

¹¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. М., 2007. Т. 3. С. 166–168.

¹² Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 146.

нельду), но посчитал сообщения Н1Лм о Свенельде позднейшими добавлениями¹³. С. М. Соловьев высказал недоумение по поводу противоречия между сообщением о получении дани с греков в результате похода 944 г. и жалобой дружинников Игоря на бедность¹⁴. И. И. Срезневский думал, что помещение в ПВЛ договора руси и греков с фразой о замыслах Игоря «примыслить большую дань» и рассказа о гибели Игоря в отдельные годовые статьи, обозначенные, тем не менее, одним (6453-м) годом, свидетельствует о «явных следах списывания в одну летопись из двух различных»¹⁵.

А. А. Шахматов, как уже говорилось, считал, что Н1Лм отразила этап летописания, предшествующий ПВЛ, — Начальный свод 90-х годов XI в. Однако по его мнению, наиболее обстоятельно изложенному в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (1908 г.), НС отразился в Н1Лм далеко не полностью и не последовательно, во-первых, из-за утраты нескольких его тетрадей, а во-вторых, из-за того, что новгородские сводчики XII–XV в. допускали всякого рода вмешательства в его текст — и сокращали, и перерабатывали, и дополняли, прибегая к независимым летописным традициям. Представляя в таком виде отражение НС в Н1Лм, ученый считал, что в каких-то случаях ПВЛ, которая отталкивалась от НС, могла сохранить элементы его текста, потерянные в Н1Лм. Поскольку, кроме того, А. А. Шахматов предполагал и несколько этапов летописания до НС (начиная с «Древнейшего Киевского свода»), общая картина постепенного «наслоения» летописного текста, создание которой он начал (но так и не закончил), оказалась чрезвычайно сложной и в некоторых частях мало убедительной. Это в полной мере относится и к статьям ПВЛ о «призвании варягов» и захвате Олегом (Игорем) Киева, и к тому (следующему за этими статьями) тексту, который обзорно был представлен выше в соотношении Н1Лм и ПВЛ.

Главная мысль относительно соответствующих отрезков текста в Н1Лм и ПВЛ, которую А. А. Шахматов выдвинул еще в ранних работах и от которой не отказался в самых последних, сводится к следующему. В принципе Н1Лм передает здесь текст НС, а составитель ПВЛ лишь перерабатывает этот текст, в основном внося дополнительную информацию из нелетописных источников, а кое-где просто домысливая и придумывая. Однако из этого общего прави-

¹³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. С. 267. Примеч. 362.

¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 299. Примеч. 199.

¹⁵ Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях. Чтение I: Были ли на Руси летописи в X веке? // Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). СПб., 1903 (1-е изд.: 1854 г.). С. 45.

ла А. А. Шахматов находил одно исключение. В промежутке между сообщением о смерти Олега и началом рассказа о походе Игоря к древлянам за данью текст и в Н1Лм, и в ПВЛ он не считал ни первоначальным (то есть «Древнейшего Киевского свода»), ни принадлежащим НС. По поводу состава текста в Н1Лм А. А. Шахматов ясно высказался в «Разысканиях...»: по его мнению, это — переработка «Древнейшего Киевского свода», предпринятая новгородскими книжниками в несколько приемов на разных этапах летописания вплоть до начала XV в.¹⁶ В ПВЛ, как утверждал А. А. Шахматов не только в «Разысканиях...», но и в ряде других работ, текст в этом промежутке — целиком вставка, осуществленная именно составителем ПВЛ. Однако по «краям» этой вставки ученый находил следы связного текста, разорванного в ПВЛ. Связный текст, части которого оказались в двух фразах ПВЛ по «краям» вставки, А. А. Шахматов относил к НС, но считал сокращенным в Н1Лм, поскольку этих двух фраз там нет. Эти-то ключевые фразы и давали ему повод утверждать, что ПВЛ местами могла донести текст более древний и первоначальный, чем Н1Лм.

Две фразы находятся в статьях ПВЛ 6420 (912) и 6453 (945) г. и процитированы выше. Они сходны по содержанию и, главное, одной деталью. Сообщая о княжении, соответственно, Олега и Игоря, в мире «ко всем странам», они заканчиваются одинаково при переходе к последующему рассказу — «и приспѣ осень». А. А. Шахматов считал, что в НС это было одно предложение, которое относилось не к Олегу, а к Игорю, сообщая о его вокняжении после смерти Олега, и слова «и приспѣ осень» вводили рассказ о полюдье Игоря к древлянам, закончившемся его гибелью. Принципиальным для него было указание на осень, так как слова о мирном княжении носят общий формульный характер. Это указание в рассказе о смерти Олега в статье 6420 г. казалось А. А. Шахматову излишним и немотивированным, зато в рассказе об Игоре уместным — ведь речь шла о полюдье, которое, как известно из других источников, происходило именно осенью. Таким образом, указание «и приспѣ осень», по мнению А. А. Шахматова, удвоилось в статье ПВЛ 6420 г. вследствие вставки всего текста между статьями 6420 и 6453 г., но само оно восходит к НС, хотя и отсутствует в Н1Лм. Ученый настаивал на этом разрыве текста как важном свидетельстве для восстановления этапов летописания, предшествующих ПВЛ, вплоть до самых последних работ, когда хотел привести наиболее доказательные примеры (наряду со вставкой о четвертой

¹⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1 (1-е изд.: 1908 г.). С. 84–90.

мести Ольги и другими подобными) и уклонялся от оценки текста Н1Лм (возможно, не считая свои соображения в «Разысканиях...» наилучшим образом аргументированными)¹⁷.

Сведения ПВЛ о древлянах, раскиданные в статьях 6391, 6421 и 6422 г., А. А. Шахматов в одной из ранних статей считал «обрывками» первоначального летописного повествования, которое было в распоряжении составителя ПВЛ, а в «Разысканиях...» — просто «сочиненными» им¹⁸. Однако он признавал, что какие-то сведения об обложении данью древлян и уличей при Игоре, передаче этой дани Свенельду, а также рассказ о победоносном походе Олега на Царьград восходили к «Древнейшему Киевскому своду». Эти сообщения древнейшей летописи в переработанном, но все-таки более или менее последовательном виде отразились в Н1Лм¹⁹. Одно из главных отличий, по А. А. Шахматову, древнейшего текста от варианта, представленного ныне в Н1Лм, состояло в подчеркивании особой роли Свенельда в сведениях об уличах и древлянах, а также в особом сказании об убийстве Игоря Мстишей, сыном Свенельда, вместе с древлянами. Это сказание не сохранилось, а в НС было заменено рассказом о гибели Игоря во время осеннего полюдья, который читается теперь в Н1Лм и ПВЛ. А. А. Шахматов посвятил специальную главу (XIV) «Разысканий...» несохранившемуся сказанию и его главному герою Мстише, которого ученый отождествлял с Лютом Свенельдичем, Малом, древлянским князем, и Малком Любечанином, отцом Малуши, матери Владимира Святославича. Эта глава и реконструкция изменений, которым подвергался текст, представленный ныне в Н1Лм от сообщения о смерти Олега до повести о гибели Игоря, — самые слабые части «Разысканий...», построенные в наибольшей степени на допущениях и произвольных трактовках. Они неоднократно подвергались критике и не были поддержаны в науке²⁰.

¹⁷ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. [I Начальный свод] // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2 (написано в 1916–1920 г.; 1-е изд.: 1947 г.). С. 430, 457; *Его же*. Несторова летопись (материалы к лекциям, читанные на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1913/1914 учебном году) // Там же. С. 522. Ср. также в издании ПВЛ: Шахматов А. А. Повесть временных лет. С. 619, 639.

¹⁸ Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. С. 65; *Его же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 86. Примеч. 1.

¹⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 87–89.

²⁰ Наиболее последовательной критике гипотеза о Мстише Свенельдиче подверглась в работе: Соловьев А. В. Был ли Владимир Святой прав-

Вместе с тем отдельные наблюдения А. А. Шахматова над летописным текстом или соображения о связи описанных в летописи событий и в этих частях могут быть справедливы и основательны. Так, например, трудами позднейших исследователей были поддержаны и развиты две взаимосвязанные важные мысли А. А. Шахматова, объясняющие неоднородность текста, представленного Н1Лм, а также одно его наблюдение о вставке. Во-первых, именно в начальной части Н1Лм (приблизительно до начала XI в.) очевидной представляется вторичность хронологической сетки и заголовков типа «Начало княженья Святославля», «наложенных» на некий предшествующий текст, не разбитый на годовые статьи. Во-вторых, в распоряжении составителя этого текста (то есть НС) был некий хронографический источник («Хронограф по великому изложению», по определению В. М. Истрина), из которого делались вставки, видимо, вместе с «хронометрией» начального повествования.

Наконец, дополнительными, в том числе лингвистическими, аргументами подтверждается наблюдение А. А. Шахматова о вставке как раз в том тексте, который прежде всего интересует меня в данном случае. Эта вставка разорвала фразу, вторая часть которой — вместе с датировкой и дублировкой первой части фразы — открывает и в Н1Лм, и в ПВЛ годовую статью 6453 г. с рассказом о гибели Игоря: «(В то же лѣто рекоша дружина Игоревѣ): ...отрочи Свѣньлжи изодѣлѣся суть оружиемъ и порты». Убедительно показано, что эти слова являются второй частью фразы, начало которой мы видим в конце статьи 6430 г. Н1Лм: «И рѣша дружина Игоревѣ: се даль еси единому мужевѣ много...»²¹. Эти результаты позволяют на основе Н1Лм реконструировать первоначальный текст, не тронутый вмешательством редактора, вставившего куски из хронографа и годовую сетку.

К сожалению, малообоснованные построения А. А. Шахматова о Мстише Свенельдиче и сложная реконструкция предыстории

нуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1941. Вып. 16–17. С. 37–64. См. также: Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 220 и след.

²¹ Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревн... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. № 2. Особенно с. 156–159. Автор опирается на ряд предшествующих работ. См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30: Историческое повествование Древней Руси. С. 3–26.

текста ПВЛ на отрезке с конца IX до середины X в. в каком-то смысле скомпрометировали в целом его выводы и наблюдения, которые в историографии XX в. мало учитывались. Историки больше опирались на ПВЛ и нелетописные данные, а Н1Лм привлекается вплоть до самых последних работ как «подсобный материал» в дополнение к известиям ПВЛ о борьбе киевских князей с древлянами и, в частности, к рассказу о сборе дани с древлян Игорем. Есть работы, в которых данные Н1Лм вообще отвергаются как недостоверные по сравнению с ПВЛ²².

В изучении финансово-экономического строя Руси в X в. больше внимания уделялось данным, добытым археологией, иностранным источникам, а также отчасти более поздним летописным и актовым материалам.

Выводы А. А. Шахматова относительно выделенного отрезка летописи последовательно учитываются (за исключением гипотезы о сказании о Мстише Свенельдиче) фактически только в работах А. Н. Насонова. Правда, эти выводы в разных работах А. Н. Насонова дают основу для разных и даже противоречащих друг другу заключений. В более ранней работе он призывал «отнестись с полным доверием к преданию», сохраненному Н1Лм, о пожаловании Свенельду дани с уличей и древлян при Игоре. Явно под влиянием идеи А. А. Шахматова о большой (но затухавшей в позднейшем летописании) роли Свенельда в истории Руси А. Н. Насонов писал, что Свенельд собирал дань «самостоятельно» с древлян и у него были собственный интерес к этой территории. Доказательство этому А. Н. Насонов видел в конфликте Олега и Ярополка Святославичей, который был спровоцирован Свенельдом, чьи интересы были нарушены утверждением Олега в качестве древлянского князя. Свенельда историк ставил в ряд воевод X в., которые оказывали значительное влияние на киевских князей и их политику прежде всего потому, что «имели ближайшее отношение к сбору дани»²³. В более поздней

²² Артамонов М. И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 30–35; Аристов В. Ю. Ранне літописання про уличів, древлян і Свенельда (до дискусії навколо ідей О. О. Шахматова) // Український історичний журнал. Київ, 2011. Вип. 6 (№ 501). С. 172–182. Серьезных аргументов против тезиса об отражении НС в Н1Лм в этих работах выдвинуто не было.

²³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002 (1-е изд.: 1951 г.). С. 59–61.

работе А. Н. Насонов подчеркивал значение борьбы с древлянами для укрепления власти киевских князей и видел отчетливый интерес к древлянам, их земле и истории их борьбы с Киевом в «Древнейшем Киевском своде». Сведения же о Свенельде в НІЛм он теперь, пересматривая схему А. А. Шахматова, относил к позднейшей переработке летописи под влиянием рассказов Яня Вышатича (которого теперь А. Н. Насонов, очевидно, считал все-таки потомком Свенельда, несмотря на то что ранее сам же высказывался критически относительно гипотезы о Мстише-Люте-Мале-Малке Свенельдиче)²⁴.

До сегодняшнего дня среди историков сохраняется разногласие по поводу того, различались ли дань и полюдье, или представляли фактически одно мероприятие. Большинство из них традиционно полагает, что сбор дани и прокорм осуществлялись за один объезд в полюдье²⁵. По-видимому, этой точки зрения придерживается М. Б. Свердлов, хотя он специально не разъясняет, каким именно образом собиралась причитающаяся князю дань. Для него важнее всего утвердить преемственность между прокормлением руси в «славиниях» и боярскими «кормлениями», известными из истории позднесредневековой Руси, поскольку он считает их типологически тождественными явлениями, представляющими «неземельные феоды» или «феоды-деньги» — передачу за службу не земли-бенефиция, а доли от доходов правителя-сюзерена²⁶.

Пытались различить дань и полюдье М. Д. Присёлков и В. В. Мавродин. М. Д. Присёлков считал, что полюдье было системой содержания наемников киевского князя, а собственно дань шла в пользу киевского князя²⁷. Отказывая в достоверности ранним летописным сведениям, он сопоставлял известие Константина с более поздними данными.

²⁴ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 39, 43–45.

²⁵ См., например: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 327–334. Такой же точки зрения придерживаются Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин в комментарии к трактату Константина (*Константин Багрянородный. Об управлении империей*. С. 330–331). Ср. также, например: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 30–31.

²⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 164–171.

²⁷ Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 73 (1940). Серия Исторических наук. Л., 1941. Вып. 8. С. 235–236; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 155, 244.

Наиболее последовательно различие дани и полюдья отстаивает И. Я. Фроянов, и оно имеет принципиальное значение в его концепции общественного устройства Древней Руси. Главная идея И. Я. Фроянова состоит в том, что «данничество» в X в. представляло собой не классовую эксплуатацию и не классовую борьбу (как считали многие советские историки, против которых направлено острое критики петербургского историка), а «межплеменные столкновения». Отношения между «племенами» регулировались договором, а преобладание одного над другим выражалось в оговоренной сумме дани, которая была не механизмом государственной власти (действующей, по представлениям И. Я. Фроянова, всегда в интересах господствующего класса), а «внешним побором». Наличие государства и классов в Древней Руси историк отрицает, а «племена» X в. он характеризует как «дофеодальное варварское общество». Дань собиралась с рабов и полусвободных (преимущественно «чужаков»), а полюдье было «ритуальным» объездом, во время которого князь общался со свободными «людьми» и получал от них добровольные дары. Полюдье — это явление не столько экономического значения, сколько «религиозно-коммуникативного». В истории с Игорем главное для И. Я. Фроянова — подчеркнуть, что дань была нормирована (согласно межплеменному соглашению), а Игорь «грубо нарушил» норму — за что и поплатился. Игорь и Свенельд не имеют собственных или тем более «классовых» интересов: за ними стоит всё «племя»-община (Свенельда, например, историк называет «воеводой народного ополчения») ²⁸.

В критике И. Я. Фрояновым схем и штампов советской историографии много справедливого, но, к сожалению, его собственные идеи представляются надуманными и, главное, не имеющими строгого обоснования по источникам, самый отбор которых у него хаотичен или просто отсутствует: автор с равным успехом пользуется и НЛ, и ПВЛ, и Никоновской летописью, и сведениями В. Н. Татищева и т. д. Утверждая различие дани и полюдья (данью были обязаны рабы, а полюдье обеспечивали свободные), И. Я. Фроянов не приводит никаких доказательств.

Один из ярких примеров убедительной критики И. Я. Фроянова — это пересмотр теории Б. А. Рыбакова, пытавшегося реконструировать полюдье киевских князей по данным Константина Багрянородного. Константин среди «пактиотов», к которым ходят кормиться архонты росов, называет «вервианов» (вероятно, древлян), «другувитов» (дреговичей), «кривитов» (кривичей),

²⁸ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 376–391, 448–484.

«севериев» (северян), а также «прочих славян». Исходя из того, что привилегией кормиться в полюдье обладали только киевские князья (со своими дружинами), Б. А. Рыбаков попытался вычислить маршрут полюдья из Киева по всем перечисленным «славиниям». Встал вопрос, с какой скоростью надо двигаться, чтобы объехать такую огромную территорию с ноября до апреля, и как успеть при этом «покорниться». Для решения этого вопроса историк прибег к одному из позднейших упоминаний полюдья, а именно к сообщению Лаврентьевской летописи, что в 1190 г. «в полюдьи» в Ростово-Суздальской земле находился князь Всеволод. В летописном известии говорится о приезде в Ростов ростовского епископа Иоанна, только что поставленного по протекции Всеволода, а затем перечисляется ряд городов со словом «въшел» и указанием даты²⁹. Перечисление городов Б. А. Рыбаков понял как указание на маршрут движения Всеволода во время полюдья, произвел расчеты относительно скорости этого движения, применил их к киевскому полюдью X в. и в итоге предложил описание последнего как разработанного института и подробный план его маршрута на карте, а заодно и оригинальную концепцию происхождения смердов (как группы, обеспечивавшей княжеское полюдье) и погостов (как поселений вне маршрутов полюдья)³⁰.

И. Я. Фроянов решил проверить на прочность всю эту конструкцию, рассмотрев подробнее известие Лаврентьевской летописи. Выяснилось, что Б. А. Рыбаков превратно понял летописный текст и просто «перепутал сведения о приезде владыки Иоанна в главные города Ростово-Суздальской земли с полюдьем князя Всеволода» — слово «въшел» указывало не на Всеволода, переходящего от города к городу, а на епископа³¹. Вся теория рухнула как картонный домик.

Впрочем, построения Б. А. Рыбакова и без того вызывали сомнения у М. Б. Свердловца, который указал, что у Константина в пассаже о полюдье говорится не об одном князе, а об «архонтах» и

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 316 и след. Чтобы примирить идею о «привилегии» киевского князя в X в. ходить в полюдье и указания летописей о полюдье князей в далеком от Киева Ростове в XII в., Б. А. Рыбаков выдвинул теорию «большого» и «малых» полюдий: первое, по его мнению, функционировало до конца X в., а вторые появились в отдельных княжествах, когда сыновья Владимира Святославича, посаженные по разным землям, стали разъезжать из своих стольных городов.

³¹ *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). С. 460–461.

слово «полюдь» употреблено во множественном числе³². Еще давно М. С. Грушевский замечал, что объезд «славиний» разными отрядами знати руси из разных центров выглядит гораздо вероятнее, чем «централизованное» полюдь одного киевского князя³³.

Отчасти в связи со спорами о полюдь и дани, отчасти в связи с анализом социально-политической истории Руси в X в. историки мельком высказывали соображения по поводу летописных сообщений о том, кто и как собирал дань с древлян. Так, А. Е. Пресняков, вслед за А. А. Шахматовым, считал, что рассказы о сборах дани Свенельдом и Игорем непоследовательны в НІЛм и ПВЛ и «дают удвоение Игоревой дани» — из них получается, что Игорь дважды собирал дань с древлян. По его мнению, первоначальный текст имел в виду, что дань собирал Свенельд «по чернѣ кунѣ», в том числе и в 6453 г., а Игорь пошел дополнительно кормиться в полюдь, во время которого и погиб (то есть А. Е. Пресняков различал сбор дани и полюдь)³⁴. Близким было мнение М. С. Грушевского, который полагал, что древляне сами собирали дань и отдавали ее Игорю и затем Свенельду, а убийство Игоря последовало именно потому, что он впервые попытался пойти к ним в полюдь³⁵.

Л. В. Черепнин, полагая, что полюдь и сбор дани — это одно и то же, совмещал данные НІЛм и ПВЛ, и у него выходило, что в 945 г. сначала с древлян собрал дань Свенельд, затем Игорева дружина, а потом сам Игорь «требует с древлян нового взноса (уже третьего по счету)». Он считал, что древлянскую дань Свенельд получил «на началах ленного пожалования»³⁶. Как конкретно мог выглядеть «лен» на Руси в X в., Л. В. Черепнин не пояснял, но, судя по всему, он подразумевал самостоятельность Свенельда в управлении древлянами и их эксплуатации, то есть фактически принимал точку зрения А. Н. Насонова, выраженную в книге «Русская земля...». Л. В. Череп-

³² Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 60–62. Ср. также: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 31.

³³ Грушевський М. С. Історія України–Руси. Київ, 1991. Т. I. С. 425–426.

³⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста. Статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993. С. 333.

³⁵ Грушевський М. С. Історія України–Руси. Т. I. С. 425–426.

³⁶ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 146.

нину возражал Б. А. Рыбаков, заявляя, что дань с древлян, переданная Игорем Свенельду, — это «содержание, а не бенефиций», то есть князь просто передавал воеводе за его службу деньги или ценности, полученные в качестве дани. По Б. А. Рыбакову, в 945 г. Свенельд просто не получил этого «содержания», а Игорь сам пошел к древлянам за данью, но, так как он примыслил новые поборы к «издавна тарифицированной дани», вспыхнуло «восстание»³⁷.

В итоге вырисовывается довольно противоречивая картина трактовки летописных сообщений. Единства среди историков нет по поводу того, как осуществлялся сбор дани вообще и древлянской в частности, как сочетать известия летописи о дани с древлян (и уличей) и рассказом Константина о полюдье росов. Неясен, собственно, и сам ход событий: почему стала жаловаться дружина Игоря, сколько раз и кто собирал дань с древлян и ходил к ним в полюдье. Противоречиво освещается роль Свенельда и его взаимоотношения с киевскими князьями после смерти Игоря.

Далее рассматривается текст ПВЛ с целью верификации древних чтений, особенно двойного замечания «и приспѣ осень», а затем НІЛм — с целью объяснения неоднородности ее текста. Потом реконструированный первоначальный текст анализируется в его внутренней связи и в контексте нелетописных известий с исторической точки зрения.

2. Текстологический анализ

Итак, для А. А. Шахматова главным доказательством сохранности в ПВЛ чтений предшествующего летописания служило сходство двух фраз с характеристикой княжений Олега и Игоря и словами «и приспѣ осень» в статьях 6420 г. и первой из двух за 6453 г. Он видел в этих фразах остатки текста, разорванного вставкой, авторство которой приписывал составителю ПВЛ. Из-за вставки и получилось «удвоение» указания о наступившей осени; первоначально оно относилось только к полюдью Игоря, а применительно к Олегу оно вторично. На неубедительность такого построения мельком уже указал А. А. Гиппиус, высказавшись в

³⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 327. Отметим, что в более ранней работе Б. А. Рыбаков придерживался другой точки зрения, а именно, что Игорь пошел в полюдье к древлянам «уже после того, как землю Древлян обобрал Свенельд» (самостоятельно ходивший к ним в полюдье) — «могущественный и жадный киевский воевода» (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 181).

пользу первичности текста Н1Лм на этом отрезке летописи³⁸. Далее предлагается детальная критика шахматовской аргументации.

Прежде всего, предположение А. А. Шахматова сильно затрудняет решение вопроса о соотношении ПВЛ и Н1Лм. Если допустить «смычку» фраз, указанных А. А. Шахматовым, в тексте, на который опирался составитель ПВЛ, и оставаться в рамках его же гипотезы об отражении НС в Н1Лм, то совершенно неясно, почему составитель ПВЛ предпочел использовать этот (более краткий) текст тому, который мы видим в Н1Лм в соответствующем месте — между сообщением о смерти Олега и повестью о смерти Игоря (со сведениями об уличах, Пересечене, Свенельде и пр.). Для прояснения этого вопроса А. А. Шахматову приходилось изощренным способом доказывать, что тот текст, который мы видим в Н1Лм, не мог быть в НС, а значит, в распоряжении составителя ПВЛ (см. выше). Но достаточно лишь пересмотреть соотношение двух упоминаний о наступлении осени, и сложные текстологические конструкции станут просто излишними.

В работах последних лет жизни А. А. Шахматов, как уже отмечалось, по-прежнему отстаивал идею об этой вставке. Но в то же время он продолжал размышлять над текстом и, вероятно, рассматривал возможные альтернативы в объяснении этих двух тождественных выражений. Во всяком случае, по сравнению с «Разысканиями...» он обратил внимание на еще одно обстоятельство, а именно, что вставленный в статью 6420 г. договор с Византией датирован 2 сентября, и как будто допустил связь этой даты с сообщением о наступлении осени. Тем не менее тут же эта связь была им признана мнимой, ибо возвращение из Константинополя «Олеговых послов потребовало, конечно, не меньше месяца, что исключало бы возможность вводить следующий за тем рассказ словами “И приспе осень”»; этим словам «не место перед рассказом о смерти Олега от укуса змеи», а значит, они относились именно к походу Игоря к древлянам³⁹. Между тем, на мой взгляд, возможность переключки двух хронологических «реперов» в летописи (даты договора и времени смерти Олега) не только не следует исключать, но она представляется и значительно более вероятной, чем связь слов о наступлении осени с осенним сбором дани Игоревой дружиной.

В пользу этой возможности говорят, прежде всего, хронологические выкладки составителя ПВЛ, на которые было обращено внимание выше при цитировании статьи 6420 г. Сам же А. А. Шахматов высказал убедительное предположение, что летописец,

³⁸ Гиппиус А. А. *Рекоша дружина Игоревн*. С. 176. Примеч. 32.

³⁹ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 430.

озабоченный выстраиванием последовательности описываемых им событий, синхронизировал начало правления Игоря и византийского императора Константина (Багрянородного), о дате восшествия которого на престол летописец мог узнать из Хроники Продолжателя Амартола — в 6421 г. К этому году и было отнесено в ПВЛ начало правления Игоря. Эта дата подходила тем лучше, что тогда на время правления Игоря приходилось 33 года⁴⁰. А эту же «эпическую» цифру составитель ПВЛ применил для датировки правления Олега, который был представлен в ПВЛ уже князем, а не воеводой Игоря⁴¹. Начало правления Олега в ПВЛ отнесено к 6387 г., то есть 6420 минус 33⁴².

Между тем в руках летописца был договор руси с греками, точно датированный 2 сентября 6420 г., то есть согласно календарю с январским годом по летоисчислению от рождения Христова (нашей эры) — 2 сентября 911 г. (греки придерживались календаря с сентябрьским годом). Договор заключен от имени Олега «великого князя рускаго», и это-то упоминание в таком качестве Олега, конечно, и подвигло составителя ПВЛ на признание его самостоятельным правителем.

Таким образом, смерть Олега летописцу надо было отнести ко времени после 2 сентября 6420 г., но при этом — чтобы избежать дополнительных пояснений и расчетов (всю условность которых он, конечно же, прекрасно осознавал) — до начала 6421 г., к которому ему было удобно приурочить начало правления Игоря. Вполне вероятно, что летописец придерживался мартовского стиля (и даже если он *сам* знал о существовании сентябрьского счета лет и мог применять его, он должен был предполагать, что *его читатели* будут считать новый год с марта), и в этом случае у него оставался совсем не такой большой временной промежуток, куда можно было бы поместить смерть Олега, — всего лишь с сентября по март. Зима, понятно, неподходящее время для того, чтобы осматривать кости издохшего коня. Остается осень. Так и появляются в статье 6420 г. сразу после изложения договора слова «и приспѣ осень», которые

⁴⁰ Считать составителю ПВЛ надо было, очевидно, от 6453 г. — этим годом помечена смерть Игоря в НІЛм. Дата начала правления Игоря в НІЛм отсутствует.

⁴¹ См.: *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при имп. Петроградском университете. Пг., 1915. Вып. VIII: Сборник в честь профессора Ф. А. Брауна. С. 392.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 22. Ср. в статье под 6420 г. в конце рассказа о смерти Олега специальное замечание: «и бысть всех лет княжения его 33».

вводят рассказ о смерти Олега. Это замечание не только здесь вполне «уместно», но и далеко неслучайно в контексте хронологических расчетов составителя ПВЛ, который уже через несколько строк дает о них знать, поясняя, что Олег умер «на пятое лето» после похода на Царьград, датированного в ПВЛ 6415 (907) г.⁴³

Как противоречие А. А. Шахматов воспринимал то обстоятельство, что слова «приспѣ осень» подразумевают начало осени, тогда как Олеговы послы, заключившие договор, должны были вернуться в Киев не ранее октября. Летописец действительно сообщает о возвращении послов в Киев и об их отчете Олегу, но о наступлении осени говорится буквально в следующей фразе. Допустим даже, что эти слова являются осколком древнего летописного свода, но тогда надо предполагать, что летописец должен был бы почувствовать здесь какую-то неестественность и наверняка просто опустил бы их. Скорее следует допустить не грубую механическую ошибку составителя, а просто более широкое и расплывчатое понимание «осени».

Действительно, в древности такого рода временные обозначения, как сезоны, воспринимались не строго «календарно», как их понимаем теперь мы (три соответствующих месяца в году), а условно «по погоде», то есть в зависимости от погодных условий, которые, естественно, каждый год менялись. В древних памятниках немало примеров употребления названий сезонов в нарушение календарной очередности месяцев и вообще крайне непоследовательно, но ограничиться двумя примерами из древнейшего летописного списка, где как раз говорится об осени. В Синодальном списке Н1Л под 6623 (1115) г. читаем: «а на осень прѣставися Ольгъ, сынъ Святославль, августа въ 1». Осенью здесь считается 1 августа. Статья 6651 (1143) г. начинается так: «стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгъ»⁴⁴. В данном случае автор осенью считает время от Успения (15 августа) до дня зимнего солнцестояния, то

⁴³ Почему составитель ПВЛ отнес поход Олега именно к 6415 (907) г., а не к какому-то другому до 6420 г., остается неясным. В Н1Лм рассказ о победоносном походе Олега на Царьград читается под 6430 (922) г. Но эта дата не могла устроить составителя ПВЛ, который уже к 6421 г. отнес начало княжения Игоря. Возможно, у него были основания связывать с 6415 г. заключение какого-то соглашения между русью и греками, поэтому он и поход отнес к этому году, и вставил в эту годовую статью «договор 907 г.», склеенный из кусков договора Олега и договора Игоря. См. о проблеме «договора 907 г.»: *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в свете дипломатики. [Часть 2] // Византийский временник. М., 1997. Т. 57 (82). С. 78 и след.

⁴⁴ НПЛ. С. 20, 26.

есть 22–23 декабря. Приходится ли удивляться, что применительно ко времени после 2 сентября, пусть даже и спустя несколько недель, летописец мог неопределенно выразиться «и приспѣ осень»?

Эти соображения подводят к заключению, противоположному выводу А. А. Шахматова. Замечание о наступлении осени «включено» в контекст статьи 6420 г. и первоначально было именно в этой статье, остальной текст которой весь без исключений, от начала (русско-византийского договора) и до конца (выписка из Хроники Продолжателя Амартола об Аполонии Тяянине), принадлежит автору ПВЛ. Оно не было взято из рассказа о походе Игоревой дружины и не было остатком какого-то предшествующего ПВЛ летописного свода.

Из этого следует, что ошибочное «удвоение» слов «и приспѣ осень» произошло применительно не к Олегу, а к Игорю и не вследствие разрыва древнего текста вставкой, а по другой причине. И об этой причине нетрудно догадаться. Дело в том, что эти слова находятся во фразе («и живяше Олег мир имѣа» и т. д.), которая выполняет связующую функцию: закончив изложение договора и обстоятельств его заключения, летописец переходит к рассказу о смерти Олега. Точно в таком же месте мы находим практически ту же фразу с этими же словами в статье 6453 г. («Игорь же нача княжити в Кieve мир имѣа...»): закончив описание клятвенного утверждения договора Игоря⁴⁵, летописец переходит к другому рассказу, причем не какому-нибудь, а рассказу о смерти того князя, который только что заключил договор (ср. также сроки правления обоих князей).

Этот параллелизм (замеченный, но не артикулированный А. А. Шахматовым) в сюжете и композиции подсказывает, что здесь вполне возможно было бы и текстуальное дублирование. Применив одну фразу в аналогичной ситуации выше, летописец с помощью почти механического переноса использует ее еще раз, тем более что упоминание об осени оказывается вроде бы вполне подходящим к сюжету предстоящего рассказа. Очевидно, летописец ПВЛ полагал, что Игорь пошел к древлянам в полюдь, а полюдь начиналось осенью, и в итоге всё прекрасно сошлось. В таком переносе слов, выражений или даже «микросюжетов», один раз уже использованных, в новый контекст ничего удивительного нет — примеры такого рода в Начальной летописи есть. Данный случай отличает то, что дублировка не бросается в глаза, хотя редакторская удача произошла более или менее случайно (из-за совпадения расчетов летописца о том, когда произошла смерть Олега, и началом полюдь, в которое отправился Игорь).

⁴⁵ Договор был заключен осенью сентябрьского 6453 г., то есть осенью 944 г.

В литературе предлагались попытки объяснить эту параллель в рассказах об Олеге и Игоре также с исторической точки зрения, но они не выглядят удачными. Например, В. Я. Петрухин отвергает какое-либо текстуальное влияние, и его эта параллель «наводит на предположение», что были сходны сами реальные обстоятельства смерти князей, а именно, что Олег погиб, как и Игорь, в полюдьме, причем также вследствие «конфликта с подвластными племенами». Сближение автор оправдывает тем, что смерть Олега была «мифологизирована» «в контексте социального и ритуального противостояния руси (княжеской дружины) и словен», а смерть Игоря — «ритуализирована» той казнью, которой подвергли князя древляне⁴⁶. Такие неожиданные повороты мысли в духе «позднего Рыбакова» оставляют много вопросов, но, главное, совершенно неясно, как связана смерть Олега от укуса змеи с полюдьмой и при чём тут «противостояние руси (княжеской дружины) и словен». Источники для такого рода «предположений» оснований не дают.

Как бы удачна ни была текстологическая операция с дублированием введений к рассказам о смерти Олега и Игоря, в целом текст в переходе от одной статьи за 6453 г. к другой нельзя назвать логичным и непротиворечивым, и его неоднородность хорошо видна. Составитель ПВЛ оставил «швы» в ткани текста — и механические, и смысловые. Самый грубый из механических — это повтор датировки годовых статей: дважды был проставлен 6453 г. Из смысловых нестыковок или недоработок, которые вызывают большие или меньшие недоумения, самая явная — это немотивированные слова Игоревой дружины в начале второй статьи за 6453 г. Во-первых, о Свенельде ничего выше не говорилось, и непонятно, кто это такой. Во-вторых, неясно, почему люди Игоря должны были завидовать «отрокам» Свенельда и почему вторые обогатились, а первые оказались «нази». Последнее обстоятельство выглядит тем более странно, что под 6452 (944) г. летописец рассказал о том, что под угрозой атаки на Константинополь русь добилась от греков выплаты дани.

Видимо, сознавая, что причины похода Игоря за данью к древлянам не вполне могут быть понятны читателю, летописец дважды сделал пояснения по этому поводу. Сначала — в «переходной» части текста, завершающей первую статью за 6453 г., где сообщается о замыслах Игоря: «нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань». Потом уже в рассказе о походе Игоря уточняется: «послуша их Игорь, иде в Деревя в дань и примышляше къ первой да[ни], и насляше имъ и мужи его...». При помощи этих пояснений

⁴⁶ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 142–143.

дело представляется в таком виде, что изначально сам Игорь хотел увеличить ранее установленную дань с древлян (о ее восстановлении после смерти Олега ПВЛ сообщила еще под 6422 г.), причем, судя по порядку сообщения, с этим повышением «первой» (то есть первоначальной) дани связываются и «насилия».

Вторичность этих разъяснений очевидна. Не менее очевидно и то, каков был первичный текст, на который опирался составитель ПВЛ. Этот текст представлен в НІЛм. В нём как раз перед рассказом о гибели Игоря объясняется, кто был Свенельд и почему обогатились его «отроки». И именно в нём этот рассказ начинается в новой статье 6453 г., которая была просто механически скопирована в ПВЛ без учета того, что этим же годом была уже помечена предыдущая статья с русско-византийским договором 944 г. Всю статью с договором точно так же, как и статью с договором Олега 911 г., составил автор ПВЛ. На это указывают и появление слов «приспѣ осень», разъясненное выше, и композиция этих статей. Попытки А. А. Шахматова найти во фразах, заключавших передачу текста обоих договоров, какие-то следы древнего летописного свода надо признать неудачными.

Теперь можно поставить вопрос: а обнаруживаются ли вообще эти следы в ПВЛ где-то еще на том отрезке текста, который был выделен мной в начале, — от захвата Киева Олегом (Игорем) и до рассказа о гибели Игоря (6391–6453 г.)?

Сам А. А. Шахматов и в «Разысканиях...», и в поздних работах считал, что весь текст от заключения договора Олега в статье 6420 г. до второго замечания «и приспѣ осень» — это вставка. Устное предание об Олеге, Хроника Продолжателя Амартола, Житие Василия Нового, договоры и, возможно, какой-то хронографический памятник — это те источники, из которых черпал сведения или которые просто копировал составитель ПВЛ на этом отрезке. «Все остальное, — писал А. А. Шахматов, — оказывается совершенно неточно и недатировано и имеет характер перифраз» или просто выдуманно. В частности, «явно придуманным» считал он рассказ о походе Игоря на греков в 944 г.⁴⁷

На мой взгляд, с А. А. Шахматовым следует согласиться, а О. В. Творогов здесь занимает излишне осторожную позицию. Он в принципе поддерживает позицию А. А. Шахматова, но для него не объясненным с точки зрения соотношения НС (НІЛм) и ПВЛ остается замечание «и приспѣ осень», и кроме того, он не решается признать в рассказе о походе 944 г. «сознательный вымысел летописца». «Способен ли летописец на откровенный и неспровоциро-

⁴⁷ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. С. 431; *Его же*. Несторова летопись. С. 523.

ванный вымысел?» — задается вопросом исследователь и затрудняется с ответом⁴⁸. Происхождение указания об осени как будто удается объяснить. Что же касается похода 944 г., то этот «вымысел» совсем не был «неспровоцированным» — напротив, он выполнял важную, как сказали бы некоторые современные историки, «нарративно-эксplikативную» функцию. Рассказ о мифическом походе должен был объяснить появление договора 944 г., как поход Олега объяснял договоры 907 и 911 г. А способности составителя ПВЛ к сочинительству очевидны: достаточно указать, например, на его хронологические выкладки, на составление «договора 907 г.» и «обрамления» для договоров 911 и 944 г., а также на то, как он переделал Олега из воеводы Игоря в самостоятельного князя, не побоявшись соответствующей переработки обширного текста.

К этой обширной вставке, осуществленной составителем ПВЛ, надо присоединить также и всю статью 6420 г. (включая, естественно, и слова «и приспѣ осень») вместе с краткой статьей 6419 г. (выписка из Амартола) вплоть до слов «бях[у] бо люде погани и невѣгласи» в статье 6415 г., рассказывающей об успешном походе Олега и основанной на соответствующем рассказе Н1Лм, из которого и взяты процитированные слова. К числу «перифраз», отмеченных А. А. Шахматовым на промежутке между 912–945 г., надо отнести упоминания древлян в статьях 6421–6422 г. — они, без сомнения, основаны на сведениях о древлянах Н1Лм, которые находятся как раз между рассказами о походе Олега на Царьград и гибели Игоря.

Если, пропустив статью 6415 г., мы посмотрим на текст далее «в глубь» хронологии, то увидим, что вплоть до статьи 6390 г. о захвате Киева, также основанной на тексте Н1Лм, все известия относятся к тем, которые А. А. Шахматов приписывал творчеству ПВЛ. Это снова либо выписки из нелетописных памятников, либо «перифразы» того текста, который читается в Н1Лм, либо, наконец, просто домыслы. К «перифразам» надо отнести известие под 6411 (903) г. о браке Игоря и Ольги и известие 6391 г. о «примучивании» Олегом древлян и обложении их данью «по чернѣ кунѣ». По сравнению с Н1Лм оба известия несколько изменены, сильнее — о древлянах. В сущности, одно известие Н1Лм о войне с древлянами, обложении их данью по черной куне и передаче этой дани Свенельду раздвоилось в ПВЛ: Олегу составитель ПВЛ приписал их завоевание и обложение данью, а Игорю — восстановление власти над ними с повышением дани. Такое «раздвоение», наряду с пропуском Свенельда, вполне понятно ввиду стремления ПВЛ выставить Олега полноправным князем, придав его облику героические черты.

⁴⁸ Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод. С. 21.

К творчеству составителя ПВЛ надо отнести две статьи, следующие за сообщением 6391 г. и по содержанию продолжающие его: 6392 г. о покорении северян и 6393 г. о покорении радимичей с заключительным списком племен, «обладаемых» Олегом. По некоторым лингвистическим параметрам, как показал А. А. Гиппиус, обе статьи 6392–6393 г. принадлежат к тому же пласту текста, к которому относятся вставки составителя ПВЛ⁴⁹. С исторической же точки зрения они выглядят крайне странно: трудно представить себе такую бурную завоевательную деятельность князя (кто бы им ни был), только обосновавшегося в Киеве, в течение трех лет. Как отмечал М. С. Грушевский, по содержанию известия представляются «полным абсурдом», а по происхождению — «комбинацией» автора ПВЛ⁵⁰.

Нетрудно объяснить эту «комбинацию». Составитель ПВЛ задался, очевидно, целью показать мощь Олега в борьбе с хазарами, поэтому под его власть должны были перейти те «племена», которые были прежде подчинены им. Выше в статье 6367 (859) г. он уже указал, что дань хазарам платили поляне, северяне и вятичи. Вместе с полянами под власть Олега северяне, таким образом, отходили «автоматически». Кроме того, возможно, сыграло роль и то, что в «договоре 907 г.» (а затем и в договоре 944 г.) в перечне городов, население которых должно было получать выплаты от греков, после Киева летописец упомянул Чернигов — «северский» город⁵¹. Непонятно, почему в статье 6367 г. не были указаны радимичи, хотя в статье 6393 г. говорится, что они тоже платили дань хазарам (что, кстати, имея в виду область расселения радимичей — Посожье, то есть верхнее Поднепровье, выглядит весьма сомнительно). Может быть, «комбинируя», составитель ПВЛ просто забыл о них под 6367 г. Может быть, дело в том, что, по его представлениям, оба племени — радимичей и вятичей — были одного происхождения «от ляхов»⁵², и для него они были как бы «взаимозаменяемы». Намек об этой связи двух племен в сознании летописца виден в том, что он приписывает Олегу установление дани с радимичей в том же виде, в каком позднее Святослав обложил данью вятичей — «по щялягу от рала»⁵³. На «комбинирование» составителя ПВЛ указывает и тот

⁴⁹ Гиппиус А. А. *Рекоша дружина Игоревн*. С. 166–169.

⁵⁰ Грушевський М. С. *Історія України–Руси*. Т. I. С. 411.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31.

⁵² Там же. Стб. 12.

⁵³ Там же. Стб. 65. Известие заимствовано из НС: НПЛ. С. 117. На связь происхождения радимичей и вятичей, которую устанавливает составитель ПВЛ, и летописных известий, им посвященных, обратил внимание А. А. Шахматов в работе исторического характера. Он не сомневался в

факт, что о покорении радимичей еще раз, как будто бы и не было известия 6393 г., сообщается под 6492 (984) г. (в известии, заимствованном из НС)⁵⁴.

Таким образом, обзор текста ПВЛ на отрезке от известия о захвате Киева под 6390 г. вплоть до рассказа о гибели Игоря показывает, что никаких сообщений, чтений и вариантов из древней летописи в нём нет. Из летописных источников в распоряжении составителя ПВЛ был, очевидно, только НС, представленный в Н1Лм. Всё то, чего нет в Н1Лм и что есть в ПВЛ, — это дополнения по внешним нелетописным источникам, «перифразы» и сочинительство. Используя слова О. В. Творогова, можно сказать, что это сочинительство было «откровенным», но не было «неспровоцированным» — оно было результатом собственных исторических разысканий и представлений составителя ПВЛ и вытекало из общей логики повествования, каким он его выстраивал. Что-то из этих разысканий и представлений было, возможно, по сути и достоверно, например, припоминание о подчинении князьям X в. тех или иных «славиний». Но в целом сведения ПВЛ надо воспринимать крайне осторожно и, главное, не просто «корректировать» их параллельными данными из Н1Лм, а сделать анализ этих последних первоочередным. Если мы признаём, что первоисточник ПВЛ — это НС, представленный в Н1Лм, то никаких поводов подозревать, что НС передан в Н1Лм в этой части текста неверно, то есть с порчей или в переработанном виде, у нас теперь нет. Значит, от сложной конструкции А. А. Шахматова взаимоотношения и происхождения текстов Н1Лм и ПВЛ можно отказаться.

* * *

Текст в Н1Лм, как и в ПВЛ, неоднороден. Вторичный характер обнаруживают прежде всего хронологическая сетка с заголовками княжений и цитаты из Хронографа, который, собственно, и подвиг летописца на «хронометрию» изначально не разделенного на годовые статьи текста⁵⁵. Очевидно, во вторичности надо подозревать также «конвой» вставок — всякого рода сопровождающие, поясняющие и вообще «переходные» уточнения и добавления. На отрезке текста, выбранного для анализа, видны два явных «шва»: вставка рассказа

том, что известия 6391–6393 г. были сочинены в ПВЛ, но при этом факт покорения радимичей Олегом ему «представлялся вероятным» (*Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка*. Пг., 1916. Ч. 1. С. 58–59).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83–84; НПЛ. С. 131.

⁵⁵ *Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. С. 83.

о неудачном походе Игоря на Царьград, заимствованного из Хронографа (6428 г.), и разрыв речи Игоревой дружины между статьями 6430 и 6453 г.

На вставной характер рассказа о походе Игоря указывает обрыв текста в предыдущей статье и явная несогласованность с последующим рассказом о походе Олега (искусственная последовательность по годам: поход — сборы — новый поход; указание о совместных сборах Игоря и Олега, а потом рассказ только об одном Олеге и др.). Это заимствование из Хронографа с «конвоём» из вводной и заключительной фраз годовой статьи 6428 г. и статьей 6429 г. можно безболезненно убрать — именно так и поступил А. А. Шахматов, и его подход в данном случае нашел поддержку в литературе⁵⁶. Несколько сложнее обстоит дело с разрывом речи дружинников.

А. А. Шахматов проницательно заметил, что обращение дружины Игоря к своему князю в начале статьи 6453 г. является продолжением слов той же самой дружины в статье 6430 г.⁵⁷ Речь дружины легко восстановить, если убрать «пустые» обозначения годов, два сообщения под 6448 и 6450 г., а также «переходные» фразы (заключительную в статье 6430 г. и первую в статье 6453 г.). Получаем такой текст: «И рѣша дружина Игоревѣ: се даль еси единому мужевѣ мно-го. Отрочи Свѣнължи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази. А поиде, княже, с нами на дань, а и ты добудеши, и мы».

А. А. Гиппиус, как уже указывалось выше, подкрепил эту реконструкцию новыми аргументами. Вполне поддерживая ее, я хотел бы только обратить внимание на один спорный ее элемент. Неясным остается происхождение сообщений 6448 и 6450 г., которые дублируют то, что было выше сказано в концовке статьи 6430 г., и которые описанная реконструкция «вырезает» вместе с остальными «пустыми» статьями с 6431 по 6452 г. как вставку.

А. А. Шахматов, который, как мы помним, предлагал очень сложную схему происхождения текста НІЛм в этом месте, объяснял это дублирование контаминацией двух источников, бывших в распоряжении «Софийского временника» (отразившегося в НІЛм): Новгородского свода 1050 г. и НС. В обоих читались известия об

⁵⁶ Там же. С. 84, 362, 432. Ср.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод. С. 20; *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы Международной научной конференции 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2007. С. 346.

⁵⁷ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 85.

улицах, Пересечене и Свенельде, но в одном без разделения на «лета», а в другом (НС) уже с годовой сеткой. Совмещение Новгородского свода 1050 г. и НС дало дублирование, а также некоторую «порчу» текста, которую А. А. Шахматов находил в статье 6430 г. (ср. ниже)⁵⁸. О. В. Творогов, отвергая схему А. А. Шахматова, но в то же время категорически отказываясь рассуждать об этапах летописания до НС, предлагает малоубедительный вариант: по его мнению, в самом НС текст читался в «хронографической манере», то есть практически без разделения на года, и речь дружины не была разорвана, а годовая сетка была внесена «в процессе редактирования» НС, однако до составления ПВЛ⁵⁹. Что это за «процесс редактирования» НС, какое место ему находится в схеме этапов летописания, О. В. Творогов никак не разъясняет. Гораздо более простой и естественный вариант предлагает А. А. Гиппиус, который считает, что годовая сетка и вставка в речь дружины — это плод работы составителя НС, а «неразделенное на годы повествование» — это «более глубокий текстовый пласт Начальной летописи, чем Начальный свод 1090-х гг.»⁶⁰.

Вопрос о происхождении сообщений 6448 и 6450 г. О. В. Творогов никак не комментирует, а А. А. Гиппиус решает в том смысле, что их автором был тот же редактор, который вставил «пустые» годовые статьи. Процесс редакторской работы ученых представляет в таком виде: редактор, то есть составитель НС, сначала после вставки в статью 6430 г. фразы «по сем скажем в приключившихся летех сих» проставил обозначения годов в текст, а потом стал «привязывать» события, упомянутые выше в тексте, который у него оказался в концовке статьи 6430 г. к определенным годам⁶¹. Это предположение А. А. Гиппиуса опирается на появление в статьях 6448, 6450 и 6453 г. необычного указательного обозначения «в се (же) лето». Не ставя под сомнение это наблюдение автора, отмечу только, что несколько важных вопросов его догадка о редакторских приемах составителя НС оставляет без ответа. Во-первых, если принимать эту догадку, неясно, почему все-таки редактор вообще допустил дублирование известий. «Раскидывая» хронологическую сетку, он в других случаях ставил одно обозначение года к одной, соответствующей ему, части текста. При допущении, что он «привязал», например, покорение улчий к 6448 г., остается неясным, почему он оставил сообщение об этом же событии выше в статье 6430 г. Во-вторых, странным выглядит и

⁵⁸ Там же. С. 86–88.

⁵⁹ Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод. С. 20.

⁶⁰ Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревн. С. 159.

⁶¹ Там же. С. 158.

сам выбор событий, оказавшихся продублированными под 6448 и 6450 г. Здесь упомянуты только покорение уличей и передача дани с них, а затем с древлян Свенельду. Неясно, почему редактор никак не отразил прямое указание статьи 6430 г., что после «примучивания» уличей еще «три лѣта» осаждали Пересечен. Не продатированными оказались перемещения уличей, о которых сказано там же в концовке статьи 6430 г. Неясно, наконец, почему, собственно, и речь дружины была разбита: по логике тех приемов, которые приписывает А. А. Гиппиус составителю НС, он должен был бы речь дружины не разбивать, а поместить целиком, например, в год, следующий за сообщением о передаче дани с древлян Свенельду.

Пока у нас нет ответов на эти вопросы, изначальное предположение А. А. Шахматова о контаминации двух разных источников в этом месте Н1Лм кажется более подходящим для объяснения дублирования одних и тех же событий в разных местах текста. Во всяком случае, аналогичных примеров редактуры, предполагаемой А. А. Гиппиусом, пока не выявлено. А примеров механического совмещения в одном тексте разных летописных списков, ведущего к дублированию, перебивке последовательности событий и вообще разного рода грубым ошибкам, история древнерусского летописания знает очень много. Хотя схема соотношения и происхождения самих текстов, развитая А. А. Шахматовым, представляется теперь неудовлетворительной, но основная причина дублирования известий о покорении древлян и уличей и о Свенельде, им предложенная, выглядит вероятной: совмещенные источники различались в этом месте не содержанием текста, а его оформлением. Известия 6448 и 6450 г. ничего нового по содержанию не добавляют к тому, что было выше сказано в статье 6430 г., а значит, источники, которые предположительно совмещал редактор, содержали здесь приблизительно тот же самый текст — только один не разбитый на года, а другой с уже проставленной сеткой.

Я не берусь рассуждать о том, какие летописные источники были в распоряжении составителя НС и чем именно они различались. Вопрос об истории летописания до НС в данном исследовании важен лишь постольку, поскольку необходимо объяснить неоднородность текста Н1Лм и представить себе вид и смысл первоначального текста (который, несомненно, отделяли от НС несколько этапов редактуры). Наличие дублирующих статей 6448 и 6450 г. показывает, что в отношении Н1Лм надо считать не только с однолинейным «разбуханием» некоего изначального текста в результате вставок вплоть до составления НС, но также с разными другими возможностями текстуальной редактуры, в том числе контаминацией разных летописных традиций или списков.

Так или иначе, в некоем первоначальном летописном произведении не было годовой сетки и речь дружины Игоря не была разорвана. Очевидно, эта речь подразумевала знакомство читателя со сведениями о борьбе Игоря с древлянами и о Свенельде, то есть была связана с текстом в концовке статьи 6430 г. Н1Лм, а с другой стороны, вводила рассказ о гибели Игоря. И текст в концовке статьи 6430 г., и рассказ об Игоре не дают повода подозревать их в порче или правке, а некоторые признаки позволяют отнести их к тому же пласту текста, к какому принадлежит первоначальный рассказ об установлении власти Рюриковичей на Руси («*Origogentis russorum*»)⁶². Среди этих признаков отмечу, прежде всего, переключку указаний о правлении Игоря в Киеве («и седе Игорь княжа в Киеве» vs. «Игорь же седяше в Киеве княжа») и о помощи ему воевод (Олега сменяет Свенельд), замечаний о дани (со словен собиралось «от мужа по бълѣи вѣверици», а с древлян — «по чернѣ кунѣ от дыма»), а также отсылку к положению вещей, современному автору текста (дань «от Новгорода 300 гривен на лето мира деля, еже [и ны]не дают» vs. «и есть могила... и до сего дни»). Понять смысл рассказа о гибели Игоря в контексте тематически «пересекающихся» с ним данных других источников — задача следующей части работы.

3. Историческая интерпретация

Первоначальный летописный текст (не имевший абсолютных дат) после сообщения о вокняжении Игоря в Киеве делал отступление о походе Олега на Царьград и его смерти. Фразой «Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа и воюя на древяны и на угличѣ» начинается новый раздел текста. Этим известием летописец не только возвращается к судьбе Игоря, но и напоминает о том, что задачи киевского князя были аналогичны стоявшим перед Аскольдом и Диром, о которых выше говорилось: «и бѣста княжаща в Киевѣ и владѣюща полями, и бѣша ратнии съ древяны и съ улици». Следующая фраза тоже строится по уже знакомой схеме: «И бѣ у него воевода именемъ Свѣнделдѣ». Точно так же говорилось об Олеге, с которым Игорь «на часта воевати» из Новгорода. Олег умер, и его место заступил новый воевода, задачей которого, очевидно, было тоже прежде всего «воевати». Именно об этом сообщается дальше: «и примучи углѣчѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣнделду». Таким образом, Свенельд помог Игорю покорить уличей, а за это князь дал воеводе дань, причитающуюся с покоренных. А. А. Шахматов видел порчу текста в этой фразе, так как, по его мнению, «неясно грамматически, кто приму-

⁶² См. мои статьи, указанные выше в примеч. 2.

чил уличей — Свенельд или Игорь»⁶³. Однако хотя перебивка субъектно-объектных отношений здесь есть, она объяснима смысловой тождественностью оборота «быть у кого-то» и глагола «иметь» и не искажает смысла — по контексту все-таки понятно, что все глаголы действия относятся к главному персонажу, князю.

С точки зрения оценки данных ПВЛ о подчинении разных «племен» Олегу (см. выше о статьях 6391–6393 г.) обратим внимание на замечание летописца, следующее далее. Завоевание уличей далось киевскому князю нелегко: город уличей Пересечен осаждали три года и «едва» взяли.

После этого следует сообщение о переселении уличей: «И бѣша сѣдяще углицѣ по Днѣпру внизи и посемъ приидоша межѣ Бѣ[гъ] и Днѣстрѣ и сѣдоша тамо». Оно в контексте рассказа о завоевательной деятельности носит как будто несколько инородный характер. А. А. Шахматов считал, что последовательность событий здесь нарушена: сначала должно было быть рассказано об осаде Пересечена, потом об их переселении, а потом уже об обложении данью. Соответствующим образом он восстанавливал и древнейший текст. Современные ученые не поддерживают таких вмешательств в текст, однако допускают, что сообщение о переселении уличей здесь вторично. Так, А. А. Гиппиус, соглашаясь с К. Цукерманом, считает, что оно перекликается с «космографическим введением» ПВЛ, где много внимания уделено расселению народов и особенно славянских «племен». Этот факт дает ему основания считать, что «Введение» было изначально в своде 1072 г., где ему соответствовало сообщение про уличей, вставленное сводчиком в более древний летописный текст, на который он опирался⁶⁴. В НС «Введение» было заменено читающимся ныне в Н1Лм «Предисловием», а это сообщение осталось.

Перестановки, предложенные А. А. Шахматовым, в любом случае выглядят произвольными и неоправданными. Что касается замечания об уличах, текстологических и, насколько я могу судить, лингвистических показателей интерполяции здесь нет. Единственным критерием для суждения о его вторичности может служить содержательное соотношение с контекстом. К. Цукерман и А. А. Гиппиус

⁶³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 88.

⁶⁴ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 90. Ср: Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // Revue des études byzantines. Paris, 1995. Vol. 53. P. 262.

считают, что замечание здесь не к месту и его «этногеографический» характер не вписывается в рассказ о войнах и даях. Между тем если вдуматься в последовательность известий в этом рассказе, то все-таки смысл сообщения об улицах разглядеть можно.

Отметив переселение улочей, летописец возвращается к Свенельду и говорит: «И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма». Заметка о переселении улочей оказывается между известием об их «примучивании» Игорем и Свенельдом и известием о передаче дани Свенельду с древлян. Это последнее известие вводится как будто бы нелогично — ведь о подчинении древлян выше ничего не говорилось. Это давало повод А. А. Шахматову снова подозревать здесь порчу и предлагать новые перестановки текста. Действительно, о покорении древлян не упоминалось, но ведь не говорилось, например, и о том, по какому «тарифу» собиралась дань с улочей, хотя о древлянской дани это сказано. В таком кратком и сухом рассказе «эпического» характера, пренебрегающем объяснением по самому своему жанру, мы не можем ожидать абсолютно точного и последовательного изложения всех событий — неизбежны какие-то перебивки (ср. выше, к какому подлежащему относится «примучи»), отступления (ср. рассказ о походе Олега на Царьград), недоговорки (ср. о судьбе полян после утверждения Игоря в Киеве) и т. п. Надо исходить из того, что автор текста самое важное, с его точки зрения, сказал — задача теперь только в том, чтобы понять, что было для него это самое важное.

В данном отрывке речь идет прежде всего об Игоре, а также о Свенельде, ибо последний стал в каком-то смысле причиной гибели князя. Именно к этому и подводит нас автор текста: заметки про улочей и древлян, конечно, существенны и сами по себе, но по большому счету это лишь вступление к драматическому описанию гибели князя. Нет ничего странного и искажающего общий смысл текста в том, что автор упустил из виду сообщить о подчинении древлян — он ведь начал со слов, что Игорь «сediaше в Киеве воюя» на них. Главное не в том, когда (не забудем, автор первоначального текста вообще мыслил «вне времени», то есть в условно-относительной хронологии) подчинили древлян, главное в том, что Игорь передал дань с них Свенельду — ведь именно это привело к гибели князя.

Если подходить с таким пониманием работы древнего летописца к сообщению о переселении улочей, то увидим и здесь свою логику. Дело в том, что это сообщение объясняет, почему так получилось, что Игорь дал древлянскую дань Свенельду. По прямому смыслу текста Игорь сначала дал Свенельду дань с улочей, потом они переселились, а потом Игорь дал Свенельду дань с древлян. Именно о таком порядке событий свидетельствует указательное местоимение «по

семь» в заметке о переселении улличей: сначала они «бѣша сѣдѣюще» по Днепру, а «по семь», то есть после войны киевского князя, взятия Пересечена и обложения их данью, ушли к Бугу и Днестру «и сѣдоша тамо». Очевидно, передача древлянской дани Свенельду была вызвана тем, что в результате переселения улличей он лишился той дани, которая ему была дарована сначала.

В литературе обычно считается, что Свенельд получил дань и с улличей, и с древлян, однако такое пожалование выглядит чересчур щедрым. Ведь даже если опираться на текст, представленный в НІЛм (= НС), надо считать, что Игорь мог рассчитывать на те или иные дани только с полян, словен и, при определенном понимании сообщения об установлении даней Игорем, кривичей с мерей. Не так велика «налоговая база», чтобы чуть ли не треть ее отдавать на откуп воеводе. Кроме того, в литературе предлагалось интерпретировать известие об установлении даней Игорем таким образом, что в первоначальном тексте говорилось о данническом подчинении Игорю только словен (помимо неупомянутых, но подразумеваемых полян), а упоминание кривичей и мери оказывалось вторичным⁶⁵. В этом случае передача дани с улличей и древлян одному Свенельду выглядит просто невероятной.

Понимая таким образом известие о переселении улличей, надо заключать, что на Днепре они обитали вплоть до «примучивания» их Игорем и Свенельдом, а после переселения к Бугу и Днестру вышли из-под власти киевских князей. В литературе уже высказывалась мысль, что переселение улличей с Днепра в междуречье Буга и Днестра не надо относить к каким-то древним временам (зачем тогда было летописцу и упоминать-то об этом?) — оно могло состояться как раз в 20–40-е годы X в.⁶⁶ Такое развитие событий как будто вступает в противоречие со свидетельством Константина Багрянородного, который, составляя трактат «Об управлении империей» в конце 940-х годов, упоминал улличей вместе с древлянами и «лензанинами» в качестве славиний, «подплатежных» (ὀποφόρος) руси (гл. 37)⁶⁷. Но можно думать, что либо у Константина, который пользовался разными источниками, в данном пассаже был использован источник, отражавший ситуацию до переселения улличей,

⁶⁵ См.: Стефанович П. С. Загадочное известие летописи. С. 23–26.

⁶⁶ Рыбаков Б. А. Уличи: историко-географические заметки // КСИИМК. Вып. 27. 1950. С. 3–17. Ср. также о переселении улличей в одной из последних работ: Рабинович Р. А. Проблема локализации летописных улличей по данным письменных источников различных традиций // Revista de ethnologie și culturologie. Chișinău, 2007. Vol. II. P. 46–52.

⁶⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 156–157.

либо ко времени составления этой главы трактата отношения руси и уличей изменились. Возможно, уличи переселились с Днепра к Днестру не все, а только частично, и те, что остались, платили дань Киеву (хотя и в недостаточной мере, чтобы удовлетворить запросы Свенельда и его «отроков»). В то же время нельзя не отметить, что ПВЛ уличей и тиверцев так и не приводит к покорению Киеву. Если считать, что вплоть до того, как на уличей напали Игорь со Свенельдом, они жили на Днестре, тогда становится ясен и интерес киевского князя к ним: контроль над ними — это контроль над днепровским путем в Черное море. Интерес же киевской руси к уличам, сидящим за (Южным) Бугом, не очень понятен.

Как бы то ни было на самом деле с уличами, оснований для удаления сообщения об их переселении как вторичного не дает, прежде всего, сам летописный текст. Если придерживаться логики всего повествования в начальной части НЛМ, нацеленного на прославление династии, основанной Рюриком, но при этом «вырезать» сообщение о переселении уличей, трудно понять, почему воевода вдруг стал получателем дани с обоих «племен», которые издавна были врагами и в то же время желанной добычей киевских князей. Речь «дружины», которая передается далее (разорванная вставкой статей 6431–6452 г.), предполагает, что воевода не мог получать от князя доходы, существенно превышающие долю других «мужей». «Дружина» начинает именно с указания, что один из них получил заметно больше других: «се даль еси единому мужевѣ много». И далее говорится, собственно, о походе за данью только к древлянам и о конфликте только с ними (уличи вообще больше в летописи не упоминаются). Очевидно, для недовольства «дружины» было достаточно и того, что Свенельд получил дань с одних древлян.

Анализ уже одного этого сообщения об уличах, предшествующего рассказу о древлянской дани и смерти Игоря, ставит перед нами ту же главную проблему, с которой сталкиваются все исследователи древнейшего летописания: как соотносится с реальностью летописное повествование, выстроенное согласно определенному авторскому замыслу и в соответствии с некими ментальными, идеологическими и нарративными моделями. В отсутствие надежных независимых данных, которые позволяли бы проверить информацию летописи, эта проблема может иметь только более или менее предположительное решение. Результаты других работ показывают, что мы имеем дело не с протоколом или историческим исследованием, а с весьма субъективным сочинением автора, отстоявшего от описываемых событий как минимум на три-четыре поколения. В то же время это сочинение было более или менее достоверно в той общей исторической и этногеографической «кулисе», перед

которой разыгрывались излагаемые события, а также в отражении главных узлов и крепежей того механизма, благодаря которому образовалось государство руси и функционировало вплоть до времен записи этого сочинения. Можно ожидать также указаний на действительные лица и события, что делало повествование более «реалистичным». Разумеется, почва для суждений — довольно зыбкая, но, привлекая сравнительно-исторические аналогии и независимые данные типа известий Константина Багрянородного, некое решение проблемы можно предложить. Меня будет интересовать, прежде всего, порядок сбора дани.

Итак, собственно о дани с древлян говорится — помимо того, что Игорь ее передал Свенельду, — что она собиралась «по чернѣ кунѣ от дыма». В этом указании на ставку налога просматривается параллелизм с сообщением о сборе со словен «от мужа по бѣлѣи вѣверици», и следует предполагать в обоих случаях один «тариф» — с одного домохозяйства по одной шкурке меха, приблизительно равной по стоимости: куницы (или хоря) и горностая соответственно⁶⁸. Смысл этой параллели, явно неслучайной в тексте, был, видимо, в том, чтобы указать на «данническое» подчинение словен и древлян киевской династии, которое относилось к глубокой древности и которое можно было рассматривать как уставленное «по старине». Именно для придания «солидности» и правдоподобия этой мысли указывались такие детали, как точная (и в каждом случае особенная) ставка налога, и как раз этим деталям можно доверять.

Зато нет такой точности и конкретности в сообщении о передаче дани Свенельду. Слова «и възложи на ня дань и вдасть Свѣньделду» оставляют нас в полном неведении о том, получал ли Свенельд полностью причитающуюся дань с древлян или только какую-то часть, доставлялась ли эта дань в Киев или в какой-то иной пункт, или же ему приходилось самому идти к уличам, а потом к древлянам и собирать у них с каждого дыма по кунице, наконец, сопровождался ли такие поездки полюдьем, о котором мы знаем из трактата Константина, и т. д. Оставив (с сожалением) эти вопросы открытыми, скажем лишь, что они для самого автора текста, очевидно, не имели значения. С точки зрения автора (занятого судьбой князя, а не воеводы), причины, вызвавшие гибель главного героя его рассказа, были связаны не столько с этими вопросами, сколько с самим фактом, что Игорь стал манипулировать доходами и это вызвало раздоры в его окружении, о которых сообщается речью недовольной «дружины».

⁶⁸ См. подробнее: *Стефанович П. С.* О дани в «трибутарном» государстве Руси в X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Мат-лы конференции. М., 2012. С. 260–267.

Вскрывая именно таким образом логику повествования, приходится признать, что она ставит нас перед непростым выбором — можно ли видеть за ней реальность или только стандартную объяснительную модель, когда причина политического кризиса видится в конфликте внутри элиты (а конфликты, естественно, случаются по большей части из-за дефицита ресурсов). Не решаясь здесь на какие-либо определенные суждения, отмечу только, что особая связь Свенельда с древлянами подтверждается дальнейшими известиями летописи — даже не столько указанием его одним (вместе с Асмудом) из героев борьбы с древлянами уже в правление Ольги, сколько, главное, тем, что он выставляется виновником конфликта между Ярополком, князем киевским, и Олегом, княжившим у древлян. Какого рода была эта связь, из летописи неясно. Летопись не дает никакого права считать Свенельда кем-то большим, чем просто «княжим мужем», который выступал княжеским агентом (например, посадником) в Деревской земле. Из данного летописного рассказа следует, что Свенельда люди княжеской «дружины» считали лишь «единым» из их среды.

И вообще, верховные права на «дань» с древлян именно и исключительно представителей киевской династии не только не отрицаются, но и всё время подчеркиваются летописцем: после Игоря, который «дать» дань Свенельду, эти права перешли Ольге, которая, заново покорив древлян, ею единолично распоряжается. Другое дело, что в летописи специально говорится, как она распоряжается данью: княгиня разделила эту дань на две части — треть в Вышгород, «бѣ бо Вышегород Олгинъ град»⁶⁹, и две трети в Киев. Это сообщение явно неслучайно. Летописец хотел показать, что Ольга, учтя печальный опыт, изменила порядок раздела дани в пользу более справедливого, то есть надо понимать так, что киевские две трети шли именно в пользу киевских «мужей». Причем на этот раз не говорится, что кто-то из «дружины» получал особую долю из этого дохода. А саму себя Ольга, взямая треть древлянкой дани, поставила в положение как бы наместницы «Деревской земли» с «резиденцией» в Вышгороде (ведь древлянские князья были, очевидно, ликвидированы после всех «местей» Ольги и полномасштабной войны с древлянами).

Как ни оценивать достоверность рассказа о конфликте в среде «мужей» Игоря из-за древлянкой дани, не приходится сомневаться в том, что в принципе «дружина» рассматривала эту дань как свой доход. Летописец исходил как из само собой разумеющегося, что все главные «государственные» доходы идут формально «на имя»

⁶⁹ НПЛ. С. 113; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

князя, но фактически распределяются в среде элиты государства. Для него само требование «дружины» пересмотреть порядок раздела доходов было тоже вполне естественным. Это говорит, с одной стороны, о некоей «корпоративности» в среде элиты, а с другой — об уравнительности. Наконец, рассказ предполагает тоже как нечто естественное, что Свенельд пустил полученные доходы на «оружие» и «порты» своих «отроков», то есть на обеспечение своих личных военных слуг. Очевидно, общепринятая практика или общепринятые представления состояли в том, что дань делят между собой члены элиты, а полученные средства рассматривают как свои собственные (частные) и тратят, прежде всего, на экипировку своих собственных дружин.

Разумеется, было бы слишком смело пытаться рассуждать, кого конкретно имел в виду летописец, писавший в первой половине — середине XI в., под «дружиной» применительно к событиям середины X в., как именно он представлял себе дележ доходов в ее среде и т. д. И в данном месте, и в большинстве других мест текста НЛМ за X в. слово «дружина» употребляется лишь в самом общем и неопределенном смысле «люди в окружении князя»⁷⁰. Летописный рассказ представляет собой лишь некую обобщенную картину с сюжетными ходами и персонажами, реальными только частично, но во многом условными, и более или менее уверенно можно говорить лишь об общих принципах «поведения» этих персонажей, но не о сколько-нибудь подробном их образе. Очевидно, летописец имел в виду элиту, но невозможно сказать, например, обратились ли с требованиями к Игорю его знатные родственники, «мужи»-бояре или личные военные слуги (отроки/гриди). Все они имели то или иное влияние на князя, все в той или иной форме участвовали в потреблении дани и, наверное, в ее сборе.

Рассказ продолжается сообщением, что «дружина» Игоря добилась чего хотела. Игорь «послуша их», то есть пошел просто за большинством и не стал заступаться за своего воеводу. «Мужи», недовольные возвышением одного из них, предлагали своему князю не просто обогатиться самим, но и перекрыть исключительные источники дохода того, кто вызывал раздражение остальных, — выражаясь современным языком: переключить «финансовые потоки» с одного на всех них. Практически это значило, что древлянскую дань надо было отнять у Свенельда и дать всей «дружине». Конечно, нельзя думать, что всё происходило в один сезон: Свенельд собрал дань с древлян,

⁷⁰ См.: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. С. 259–262.

реализовав, обратил ее в «порты» и «оружие» своих отроков, это вызвало зависть остальной «дружины», и они ринулись к древлянам добирать то, что у тех еще оставалось⁷¹. Это было бы слишком наивно-непосредственное восприятие летописного рассказа. Признавая, что он отражал все-таки реальные события, нельзя, естественно, думать, что он документировал события в точной последовательности и хронологии — напротив, он «спрямлял» их, указывая лишь основные поворотные моменты. Все эти конфликты и перераспределения дани не могли происходить с таким «киномонтажом», как в летописи, а были следствием долгих переговоров и принципиальных решений, принимавшихся «от лета до лета».

Какие выводы о порядке сбора дани можно сделать из дальнейшего рассказа?

Прежде всего, не приходится сомневаться, что дань из земли древлян в Киев не доставляли и за ней надо было отправляться на место. Это подразумевают выражения, имеющие характер устойчивых словосочетаний, почти формул, которые использует летописец: в речи дружины «пойди, княже, с нами на дань», затем «иде в данѣ». Последние слова обозначают, собственно, что Игорь с дружиной отправился за данью. Правда, летописный рассказ настолько краток и сжат, что не говорится даже, куда именно они отправились. В ПВЛ это вызвало уточнение: «иде в Деревя в дань». Но, в общем, из контекста и так ясно, что дань собирали именно с древлян. Каким образом собирали, летописец тоже не поясняет. Он только замечает, что во время сбора Игорь «насиляше имъ» (то есть древлянам) и от него не отставали «его мужи».

«Возмзя дань», Игорь «пойде въ свои град». Какой именно «град», снова не указывается. Может быть, имелся в виду Киев; может быть, какой-то укрепленный пункт на границе Русской и Деревской земель, куда можно было свезти собранные ценности и держать какое-то время в безопасности. Во всяком случае, в каком-то промежуточном пункте на пути «домовѣ» — очевидно, восвояси, в Киев — Игорь решил вернуться, отправив свою дружину «с данью» в Киев. «Язъ возвращуся и похожую еще», — заявил он. Целью такого маневра летописец выставляет желание «болшого имѣния». Обычно в литературе, еще с XVIII в., за этим желанием не видят ничего,

⁷¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 247. А. А. Шахматова к такому ходу мысли подталкивала его реконструкция первоначального текста, опиравшаяся на чтения ПВЛ. Другие же ученые скорее шли просто вслед летописному рассказу, не задумываясь о том, что он собой, собственно, представляет (см., например, выше высказывания Л. В. Черепнина).

кроме жадности князя. Между тем если вдуматься в летописный рассказ, то станет очевидной совершенная неадекватность такого его «психологического» объяснения в соответствии со вкусами литературы Нового времени.

К древлянам Игорь вернулся «с малою дружиною». Очевидно, подразумевается некоторое разделение между основной частью «дружины» и той небольшой группой вокруг князя, с которой он отправился снова за данью. Эта группа была в каких-то особенно близких с ним отношениях, так как с ней он рассчитывал на бóльшую добычу именно для себя лично. В исследовании военно-политической элиты Руси в X–XI в. я предлагал видеть в группе этих людей княжеских слуг — отроков или гридей⁷². Именно с отроками потом приходит к древлянам и Ольга, оставив в Киеве «дружину мужа» своего. Именно на своих отроков тратит Свенельд средства, собранные от древлянской дани.

Таким образом, автор рассказа имел в виду, что собственно «мужи», то есть некая социальная верхушка при князе, свои аппетиты удовлетворили, на «оружие» и «порты» для них лично и их слуг уже хватило бы, а вот княжеским слугам было недостаточно — то ли их было больше, чем прочих, то ли их оружие и обмундирование стоили дороже. Дело, получается, не в недостатках князя, а в том, что обеспечение его личных слуг рассматривалось как его личное дело, и если он хотел отличаться чем-то от прочей знати государства руси, то он должен был сам заботиться об этом.

Далее в рассказе обращает на себе внимание как будто некая странность поведения Игоря. Князь, собираясь возвращаться к древлянам, явно не ожидал противодействия своим планам. Более того, он не внял угрозе древлян, которые, «сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ», недвусмысленно дали ему понять, что сбор дани окончен: «поималъ еси всю дань». Игорь «не послуша», и древляне «убиша» его и его спутников.

Игорь не выставляет никаких новых требований к древлянам и их князю по части дани, он просто идет и берёт, чувствуя себя вправе так поступать. Где он ходил, не говорится, но точно он не сидел в древлянском центре Искоростене, ожидая подвоза дани, — оттуда древляне вышли, чтобы убить его. Выходит, Игорь делал нечто, что считал справедливым, но древляне именно за это его и убили, решив, что он — волк, повадившийся в стадо, и что, если с ним не расправиться, он всех их «погубит». Потом, обращаясь к Ольге, они прямо обвинили «русского князя» в грабеже: «мужа твоего убихом, бяше бо мужъ твои акы волкъ, восхыщая и грабя, а наши князи

⁷² Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. С. 304 и след.

добри суть, расплодили землю нашу»⁷³. Уверенность Игоря в своей правоте заставляет думать, что в данном случае было какое-то различие в представлениях двух сторон (киевского князя и древлян) о сути происходящего.

Определение этого различия является ключевым для понимания всего рассказа о сборах древлянской дани киевским князем, который явно построен по определенной логике, но просто «эпически» лаконичен и своим «монтажом» оставляет многое подразумеваемым и необъясненным в подтексте или даже во «внетекстовой реальности». Подозревать здесь полную легендарность оснований нет. Влияние каких-то готовых моделей или схем в нём, конечно, могло сказаться — как, например, указание на конфликт в среде знати, предшествовавший походу Игоря, но отрывочные данные независимых источников подтверждают реальность самих событий.

Лучшим доказательством такого рода является упоминание о смерти Игоря в греческих хрониках, которые сообщают, что Игорь был не просто убит древлянами, а казнен — его привязали к двум согнутым деревьям, которые, распрямившись, разорвали князя⁷⁴. Сопоставление этого сообщения с известиями арабских источников показывает, что способ казни отражал суть преступления «провинившегося»: так или похожим образом казнили воров и разбойников⁷⁵. Разумеется, древнерусский летописец не хотел напоминать читателям об этой казни, но слова древлян, приведенные им, недвусмысленно указывают как раз на эту вину Игоря («аки волкъ, восхищая и грабя»), а в дальнейшем рассказе историки справедливо видят и другие намеки на страшную кончину киевского князя⁷⁶. Таким образом, автор умалчивал о каких-то (даже и весьма важных) обстоятельствах и деталях (безусловно, в силу своих соображений и предпочтений), но не сочинял «роман». Его произведение должно

⁷³ НПЛ. С. 111. Ближе к первоначальному, видимо, вариант ПВЛ: «баше бо мужъ твои акы волкъ, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, распасли суть Деревьску землю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56).

⁷⁴ *Лев Диакон. История / Перевод М. М. Копыленко, комментарии М. М. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 57.* Игорь, таким образом, был не убит в бою, а взят в плен.

⁷⁵ См.: *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 52. Ср.: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 148.

⁷⁶ В первую очередь, в признании древлянских послов, к которым обратилась Ольга, прежде чем их начали засыпать заживо землей. На вопрос Ольги: «добра ли вы есть честь?» они ответили: «пущи нам бысть Игоревѣ смерти» (НПЛ. С. 111; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56).

было стать (и стало на самом деле) фундаментом «национального самосознания», и нельзя сомневаться, что сам автор осознавал такую функцию своего творения и не мог подходить к его созданию просто как к собранию исторических анекдотов.

Историки не были едины в объяснении этого различия в отношении к сбору дани со стороны древлян и Игоря — если даже дело не списывалось просто на жадность князя, то выдвигались разные предположения о каких-то изменениях, которые князь внес в этот сбор или в отношения с древлянами. Зато историки почти полностью едины в признании, что Игорь был в полюдье. Несмотря на то что сам этот термин летописец не употребляет, к этой трактовке следует присоединиться. Терминологической точности в рассказе летописца ожидать не нужно, а на то, что фактически речь шла о полюдье, указывают по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, составитель ПВЛ, который тоже не упоминал о полюдье, посчитал, тем не менее, уместным ввести рассказ о походе Игоря словами «и приспѣ осень». Он сам, таким образом, относил поход именно к осени. При этом из рассказа Константина Багрянородного, а также данных о полюдье XII–XV в. явствует, что именно осень была временем начала полюдья. Во-вторых, летописец вкладывает в уста Игоря слова «возвращая и похожую еще», которые подразумевают, что Игорь не собирался сидеть в одном месте, а хотел «ходить». Между тем процесс полюдья Константин описывает как «кружение», то есть «круговое» движение по разным населенным пунктам.

Однако, признав, что князь был в полюдье, мы оказываемся сразу перед несколькими вопросами: во-первых, почему древляне посчитали общепринятое полюдье, в которое отправился Игорь, грабежом, во-вторых, что же делали Игорь и его дружина в первый заход, а в-третьих, при чём тогда оказывается упоминание о черных кунах, если сутью полюдья (как это утверждает у Константина) был не сбор меха, а именно «кормление»? В историографии мы не найдем последовательных ответов на все возникающие вопросы. Часть историков подчеркивала, что Игорь своим полюдьем так или иначе нарушил устоявшийся порядок: ранее собирали только дань, а он затеял дополнительно к тому и полюдье. При этом обращалось внимание на то, что древляне, согласно летописи, имеют свой «град», своего князя, своих «нарочитых мужей», то есть сохраняют некоторую «автономию», которую бесцеремонное «хождение» Игоря фактически нарушало. Другие (особенно те, кто последовательно отождествляет дань и полюдье) думали, что дань с полюдьем были и до Игоря, а он только произвольно повысил нормы сборов.

Позволяет ли летописный текст говорить о какой-то «(ин)новации» Игоря? И пожалование Игоря Свенельду, и действия самого

Игоря с дружиной описываются с помощью одного и того же слова «дань». Следовательно, для автора текста речь шла примерно об одном и том же применительно к Свенельду и применительно к Игорю. Указание летописца, что при Свенельде дань собирали по черной куне, не имело бы смысла, если оно не относилось также и к Игоревой дружине, которая просто отобрала у Свенельда право поборов с древлян. Собранное дружиной добро (то есть, очевидно, главным образом, меха) называется «дань», а поход дружины прямо описывается выражением «идти в дань». Та же дань подразумевается и относительно «хождения» Игоря (ср.: «желая болшаго имения», «почто идеши опять, поимал еси всю дань» — везде подразумевается дальнейший сбор *дани*). Имея в виду выражение «идти в дань» и особенно слова Игоря «похожую *еще*», надо полагать, что дружина Игоря тоже «ходила», собирая дань, то есть была в полюдье. Составитель ПВЛ, вводя замечание «и приспе осень», относил его, очевидно, ко всему походу — и первому — Игоря с «мужами», и дополнительному — Игоря «с малою дружиною».

Из всего этого следует, что никакого противопоставления между тем, каков был порядок сбора дани *до* того, как Игорь отнял ее у Свенельда, и в каком порядке *он сам* собирал ее, в летописи не заложено. Ходил ли Свенельд в полюдье или нет, можно только гадать, да то и неважно летописцу. Важно, что действия дружины Игоря, которая собирает дань, «ходя» — очевидно, как в полюдье, — расцениваются как нормальные. Летописец отмечает только одну аномалию, а именно «насилия» Игоря и его «дружины». Сами древляне, в его изложении, возмущаются тем, что Игорь ведет себя «акы волк, восхыщая и грабя». Вероятно, они имеют в виду как первоначальные «насилия», так и дополнительные поборы вернувшегося Игоря.

Таким образом, автор первоначального летописного текста не стремился выставить Игоря неким «реформатором» или нарушителем традиционных порядков. Его целью было объяснить сначала, как вообще происходило подчинение древлян и как произошел конфликт внутри элиты руси вокруг древлянской дани, приведший к гибели князя и переросший затем в масштабный конфликт древлян и руси. Сам князь лишь следует обстоятельствам: награждает Свенельда, особо отличившегося в борьбе с соседними «племенами», удовлетворяет требования недовольной «дружины», затем печется о своих собственных слугах. Значит, за разным пониманием происходящего древлянами и князем стояло какое-то более глубокое противоречие, ясное для летописца, который не считал нужным о нём специально говорить, и заложенное, очевидно, в самом порядке «хождения» за данью.

Выше было уже отмечено, что, согласно летописи, «дружина» Игоря сама отправляется собирать дань в Древлянскую землю. Подразумевается как будто, что отправились если не все, то большинство «мужей» (кроме Свенельда, конечно). Основной целью был сбор собственной дани — «черных кун». Собрав эту дань, ее повезли с собой «домови». Если бы речь шла только о сборе мехов «от дыма», то не очень понятно, зачем надо было «ходить» к древлянам всей «дружине» лично — можно было послать своих сборщиков или получить собранные меха от самих древлян. Очевидно, такой поход всех киевских «мужей» в полном составе имел в виду не только сбор самих «кун» — «мужи» совмещали с ним и «прокорм». Естественно, их поход фактически превращался в полюдье, то есть «кружение» по населенным пунктам, так как долго находиться в одном месте они физически просто не смогли бы — никаких средств не хватило бы их кормить.

Легко представить, что такие мероприятия вряд ли обходились без тех или иных «насилий» над подчиненным населением. Однако нет никаких намеков, что «насилия» были связаны с повышением основной ставки дани (как считают многие историки). Они рассматривались, видимо, как более или менее неизбежные. Они, конечно, не могли понравиться ни древлянам, ни кому бы то ни было еще, но только возвращение Игоря вызвало открытое возмущение. На что точно рассчитывал Игорь, затевая это возвращение, мы, конечно, не можем знать, но, вероятно, он собирался посетить те места Деревской земли, куда «дружина» не успела зайти. А при таком методе сбора дани нет ничего удивительного, что какие-то места оставались еще «нехоженными». Противопоставляя меры княгини Ольги по организации сбора дани прежнему порядку, А. Н. Насонов писал: «раньше могли ездить нерегулярно, не систематично, менять трассу объезда, два раза приезжать в одни и те же места и собирать много (как делал Игорь), а в другие места совсем в данный год не заезжать»⁷⁷. Игорь вполне мог считать себя вправе продолжать свои «кружения», а древляне в то же время посчитали, что законный или полузаконный, но еще терпимый сбор дани и прокорма уже перерос в грабеж.

То, что Константин Багрянородный в своем описании «полюдий» «росов» не упоминает о сборе дани, а говорит только о «прокормлении», не должно удивлять. Его рассказ не ставил целью дать описание налоговой системы Руси, и о поездках архонтов руси по славянским «пактиотам» говорилось под рубрикой «Зимний и суровый образ жизни росов». Мы не знаем, что именно рассказывал информатор императора (или, скорее, того автора, чей рассказ Константин вставил в свой

⁷⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 53.

трактат) о полюдье, но вполне естественно, что греков (как императора, так и его читателей) должен был поразить, прежде всего, сам способ жизнеобеспечения и времяпрепровождения руси, а что уж там происходило в этих поездках, помимо «кормления», было для них не так важно. Факт, что славяне были данниками руси, был ясен и отмечен (первые — пактиоты вторых), и этого было вполне достаточно.

Понимание похода Игоря и киевской «дружины» «в дань» как сочетания сбора налога и прокорма совсем не исключает тезиса о различии дани и полюдья в том виде, в каком он был сформулирован В. И. Сергеевичем и М. А. Дьяконовым. Утверждая, что в отличие от дани, носившей обязательный характер, полюдье теоретически мыслилось как добровольный дар, они опирались на упоминания в источниках XII–XVI в. полюдья как сбора, отдельного от собственно дани (что бы ни подразумевалось под ней в том или ином случае и в том или ином регионе в XII–XVI в.). Среди этих упоминаний хотелось бы обратить внимание, прежде всего, на свидетельство знаменитой жалованной грамоты Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. на волость Буйцы⁷⁸. В грамоте сказано, что помимо «даней», вир, продаж с этой волости, а также других пожалований монастырь получает «осеннее полюдие даровное полътретиядесяте гривьнь». Полюдье здесь называется «даровным», то есть мыслится как дар — добровольное приношение. Сопоставление или отождествление полюдья с дарами можно найти и в других иммунитетных грамотах позднего Средневековья.

Это свидетельство жалованной грамоты Юрьеву монастырю позволяет сделать вывод, что Игорь и его «дружина» во время своего похода к древлянам взимали помимо обязательной дани еще разные продукты для собственного потребления, которые мыслились как «дар». Логично предположить, что как раз то, что носит (теоретически) добровольный характер, легче подвергнуть произвольной оценке и толкованию и здесь-то и возникали «насилия», то есть одна сторона исходила из правомерности поборов, относя их к положенным дарам (так, вероятно, думал и Игорь, возвращаясь к древлянам), а другая могла в какой-то момент посчитать, что даров было взято уже достаточно.

Косвенное подтверждение этому заключению дает еще один не зависимый от летописи источник, который для характеристики древнерусского полюдья стал привлекаться относительно недавно. В сочинениях арабских писателей X — середины XI в. ибн Русте и Гардизи, восходящих, видимо, к географическому трактату ибн Хордадбега и, вероятно, другим трудам арабских писателей конца IX в.,

⁷⁸ См.: ГВНП. № 81. С. 140–141.

есть отрывочные данные о славянах и руси, которые А. П. Новосельцев считает возможным интерпретировать как свидетельство о полюдьде. У ибн Русте сохранился фрагмент, повествующий о славянах: «Царь (славян. — П. С.) ежегодно объезжает их, и если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год...». У Гардизи рассказывается о руси, среди прочего, следующее: «Всегда 100–200 из них (руси. — П. С.) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся»⁷⁹.

А. П. Новосельцев совершенно справедливо, во-первых, сопоставил эти известия, а во-вторых, увидел во втором из них именно указание на полюдьде, хотя в нём не говорится об объезде и не указывается срок (осенью, раз в год и т. п.). Правда, его выводы из сопоставления сообщения Гардизи с ПВЛ и трактатом Константина не представляются убедительными. По его мнению, походы руси к славянам у Гардизи — «явно более древний вариант полюдьды, нежели тот, что описывает Константин Багрянородный и ПВЛ, когда условия полюдьды определялись соглашением. В IX в. ... полюдьде носило более стихийный характер, мало отличный порой от набегов с целью взимания добычи. Истоки полюдьды, очевидно, и восходят к таким набегам, элементы которых сохранились и в полюдьде середины X в.»⁸⁰. Неясно, почему историк решил, что полюдьда, описанные у Константина и в ПВЛ (очевидно, имеется в виду именно рассказ об Игоре), «определялись соглашением», и весьма сомнительной кажется идея о происхождении полюдьды от «набегов». Само слово «полюдьде» — славянское, а не скандинавское и указывает скорее именно на «правовую», согласованный и общепринятый обычай.

Интереснее сопоставить известия Гардизи, Константина и ПВЛ, явно коррелирующие между собой, с сообщением ибн Русте. На первый взгляд, принадлежность сообщения ибн Русте к этому ряду кажется неочевидной. Однако А. П. Новосельцев справедливо поставил это сообщение в связь с полюдьдом, обратив внимание на указание, что славянский правитель «ежегодно объезжает» своих «подданных». Ввиду тезиса о понимании полюдьды как «дара» эту связь можно развить. Смыслом объезда «царя», по ибн Русте, был сбор «платьев». В арабском источнике стоит слово *хал'ат*, что, согласно А. П. Новосельцеву, значило на арабском не только «платье»,

⁷⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1998. М., 2000. С. 295, 305.

⁸⁰ Там же. С. 404.

но и «дар, подношение»⁸¹. Вполне вероятно, что это арабское слово в данном случае употреблено сознательно двусмысленно — и в смысле дара, и как обозначение платья или одежды. Дело в том, что у славян известен обычай использовать куски ткани как средство платежа и обмена. Об обращении в качества платежного средства неких «платков» у чехов сообщает арабский путешественник Ибрагим ибн Якуб, который посетил в 960-х годах Прагу. Этот обычай известен Гельмольду, а также засвидетельствован немецкими документами конца XII в., которые упоминают сборы со славянского населения в виде отрезков ткани, подготовленных к шитью одежды⁸².

Если связывать славянский обычай, зафиксированный ибн Русте, с полюдьем, то можно представить его эволюцию следующим образом. Неким «первоначальным» архаическим порядком у славянских «племен» был обычай, когда правитель или глава «племена» (князь или кто бы то ни был) объезжал население и собирал подати в той или иной зависимости от размера или даже, точнее, увеличения семьи и рода — это и было «полюдье». Скорее всего, этот порядок надо поставить в связь с архаическим представлением об ответственности главы (правителя) той или иной общности за плодородие и мир в этой общности⁸³. К. Модзелевский находит корни этого представления в идеях родовой связи общности и личной ответственности главы этой общности как «великого родственника» за ее процветание⁸⁴.

Собираемые подати были не слишком обременительными, но, главное, мыслились как добровольные дары. Когда и при каких обсто-

⁸¹ Там же. С. 403.

⁸² См.: *Pošvár J.* Plátno jako platidlo u Slovanů (z poznámkou F. Kopečného) // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1962. Ročník XXXI. Sešit 3. S. 456–459. Согласно ибн Якубу, стоимость одного платка равнялась 1/10 динара. Сами слова «платок», «полотно» и «платить» связаны этимологически. В академической «Истории Чехии» можно увидеть фотографию куска материи 15×15 см тонкой выделки, который археологи нашли в Садах и интерпретируют как платок, использовавшийся как платежное средство: *Bláhová M., Frolík J., Profantová N.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. I. Praha, 1999. S. 290, ср. также s. 293, 333.

⁸³ См.: *Třeštík D.* Mír a dobrý rok. Státní ideologie raného přemyslovsého státu mezi křesťanstvím a “pohanstvím” // *Folia historica bohemia*. Praha, 1988. T. 12. S. 23–45; *Idem.* Počátky přemyslovské státnosti mezi křesťanstvím a pohanstvím // *Stát, státnost a rituály přemyslovského věku. Problémy, názory, otázky. Sborník příspěvků z konference konané dne 18. října 2005 v Brně / Ed. M. Wihoda, D. Malat’ák.* Brno, 2006. S. 25–46.

⁸⁴ *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 401–425.

ятельствах возникает обязанность давать еще и дань, нам неизвестно, но, вероятно, она появляется в результате давления некоей внешней силы (будь то хазары или скандинавы или кто-то еще). Так или иначе, естественно, что сбор этой дани приурочивается к уже существующему порядку объезда с угощением и сбором подарков, и таким образом, хотя в сущности сборы становятся обязательно-принудительными, но некоторый «антураж» добровольности остается.

Разумеется, воинственную русь в X в. уже не интересовали платочки и плодородие в семьях подчиненных им славян — им нужно было питание в течение зимы и денежные средства для образа жизни, достойного настоящего воина⁸⁵. Однако представления о некоей взаимности и некоем долге правителя поддерживать благоденствие среди населения, признающего его власть, были еще живы, и они даже нашли отражение в летописи. Эти представления явственно просматриваются в том сравнении правителей, которое летопись вкладывает в уста древлян: «бьяше бо мужъ твои акы волкъ, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, распасли (расплодили) суть Деревьску землю».

В литературе подчеркивалась связь полюдья с обеспечением княжеских агентов, выполняющих те или иные поручения на местах, но это явление — еще более позднее развитие первоначального порядка. С усилением элемента принудительности в налоговых сборах, а главное, с затуханием архаических представлений об ответственности правителя и отчуждении между ним и основной массой населения стала возможной передача права сборов с населения, которые предназначались *лично* для правителя, его представителям, действовавшим *от его имени*. Естественно, в этом случае идея добровольного подношения (дара) отступала совсем на задний план и сохранялась лишь отдаленным отзвуком только в самом обозначении сбора как «даровного». Сборы формализовались, требуя четкой кодификации, и так возникали документы, подобные «Покону вирному», который мы видим в Древнейшей редакции Русской Правды.

Важно не только дифференцированно подходить к разным явлениям, но осознавать также, что в реальности эти явления могли быть очень тесно, даже нераздельно, связаны и обозначались далеко не строго терминологически. Летописцы древнейшего времени о всех налоговых сборах и поездках говорили только как о «дани», хотя, как выясняется, фактически речь шла о том же объезде с прокормом. Константин Багрянородный делал акцент на «кормлении» руси во главе с их архонтами и приводил специфический термин, указывавший именно на этот аспект фискально-административной

⁸⁵ Ср. описание воинственного менталитета руси у арабских писателей: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси. С. 303.

системы. Позднее в летописи уже появляется слово «полюдь» для обозначения поездок князей по их княжествам, причем, как следует из контекста, эти поездки явно преследовали одновременно самые разные цели и задачи⁸⁶. В княжеских грамотах, между тем, это слово используется для обозначения лишь одного специального побора (например, в той же грамоте Мстислава Юрьеву монастырю). В таком значении слово употребляется еще в XVI в., но при этом уже обозначает налог, фактически потерявший всякую связь с князем, — это поборы или кормы в пользу державцев-наместников (в Великом княжестве Литовском) или епископов (в Северо-Восточной Руси).

Таким образом, подобно слову «дань», которое, как правильно отмечали исследователи, употреблялось в широких и узких значениях («родовом» и разных «видовых»), слово «полюдь» тоже могло употребляться в разных смыслах. Собственно полюдем (полюдь в узком смысле) был объезд населения правителем, предполагающий некое общение между ними (суд и пр.) и добровольные дары и угощение. И это было, с одной стороны, весьма архаическое явление, а с другой — распространенное едва ли не повсеместно в зоне расселения восточных славян. Упоминания о нём происходят из источников хотя и разного времени, но из самых разных областей Древней Руси — Поднепровья, белорусского Полесья, Смоленска, северо-восточных княжеств и Новгорода⁸⁷.

Два упоминания из документов новгородского происхождения (в грамоте Юрьеву монастырю и в одной берестяной грамоте конца XII в.⁸⁸) говорят против тезиса о «существенной разнице между организацией фиска в Киеве и Новгороде»⁸⁹. Этот тезис, призванный

⁸⁶ Так, Юрий Долгорукий, будучи в 1154 г. в полюдь, заложил город Дмитров (ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 104).

⁸⁷ См. о данных литовских документов: *Грушевский А. С.* Господарские уставы о доходах наместников-державцев. Пг., 1916. С. 18–21. Полюдь в Северо-Восточной Руси: *Назаров В. Д.* Полюдь и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актов источников // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений.* М., 1988. Ч. I. С. 163–170.

⁸⁸ Берестяная грамота № 226 (*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 409) представляет собой обрывок письма, отправленного откуда-то с реки Паши (Обонежье).

⁸⁹ *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62.

поддержать теорию «ряда», якобы заключенного между знатью северной «конфедерации племен» и «призванными» варягами, предполагает, что киевское полюдьё позволяло князю произвольно определять налоги и распределять собранные ценности, а в Новгороде доля княжеских доходов была установлена в некоей пропорции по отношению к доле знати (и тем самым ограничена).

Даже вне зависимости от упоминаний полюдьё в новгородских источниках, которые этот тезис не может объяснить, ложными оказываются сами его исходные основания. Как следует из летописи, полюдьё не давало и не могло дать само по себе особых преимуществ князю по сравнению со знатью; дань делилась между князем и киевскими «мужами» совсем не по произвольному усмотрению князя, а по установленным нормам, которые знать не позволяла нарушить. Некоторое исключение для князя было сделано в том смысле, что он смог пойти с небольшим количеством своих людей (слуг) отдельно от всей «дружины» — но только после того, как эта «дружина» собрала столько, сколько ей было нужно; весьма сомнительная «привилегия», связанная с большим риском, обернулась для князя не преимуществами, а гибелью. А система раздела дани с древлян, установленная Ольгой, собственного говоря, ничем не отличается от той, которая засвидетельствована для Новгорода в последние годы правления Владимира Святославича, — треть остается в распоряжении князя-наместника, а две трети идут в Киев, то есть тем же самым киевским «мужам».

Заключая это сопоставление летописного рассказа о походе Игоря «в данѣ» к древлянам с другими данными, стоит задаться вопросом, находит ли порядок налогообложения, реконструируемый по этому рассказу, какие-то аналогии за пределами Руси. Разумеется, в мировой истории можно найти бесконечное число аналогий налогу по определенной ставке с домохозяйства. Известно также много примеров, когда тот или иной сбор или повинность воспринимается заинтересованной стороной как предоставленный добровольно «дар». Всегда широко распространен был такой порядок взимания тех или иных подношений, который предполагает объезд подчиненной территории с пропитанием за счет местного населения. Поскольку ученые в таком пропитании видели специфику древнерусского полюдьё, то именно в этом отношении они подобрали последнему разные параллели⁹⁰. Но среди приведенных

⁹⁰ См., например: Полюдьё: всемирно-историческое явление / Под общей редакцией Ю. М. Кобищанова. М., 2009. Большинство авторов этого сборника и, в первую очередь, его инициатор Ю. М. Кобищанов очень широко понимают полюдьё, подводя под это понятие вообще любые

в литературе примеров лишь немногие на самом деле обнаруживают сходство с полюдьем в том узком смысле, какой было выше предложено вкладывать в это понятие, потому что в этом случае оно выступает весьма архаичным явлением, которому просто нет места в развитых обществах с письменной культурой, и оно, соответственно, не фиксируется в текстах.

Как бы то ни было, совершенно ясно и без специальных изысканий, что в порядке налогообложения, отраженном в летописи, действуют те же самые принципы и механизмы, которые обнаруживаются *mutatis mutandis* в самых разных регионах в доиндустриальную эпоху, в том числе и в средневековой Европе. Как выяснилось, гораздо труднее найти аналогию той конкретной форме определения и взимания налогов, о которой свидетельствуют вместе летопись, трактат Константина и арабские данные применительно к Руси середины X в. Эта форма подразумевала одновременный сбор обязательной дани (по определенной ставке) и прокорм, рассматривавшийся как некий добровольный «дар», в процессе личного посещения подчиненного населения практически всей военноторговой элитой государства во главе с правителем и знатью.

В таком виде налоговой системе Руси середины X в. прямых аналогий как будто и не подыскивается. На что-то похожее намекают рассказы исландских саг, повествующие о судьбах норвежских конунгов XI в. Но те поездки, в которые отправлялись по стране конунги, в древнейшее время имели вроде бы, главным образом, религиозно-культурное значение (в этом был первоначальный смысл *вейцлы*), а позднее они не подразумевали сбора каких-то обязательных налогов типа древнерусской «дани»⁹¹. Количество людей, которых мог с собой взять конунг, видимо, строго регламентировалось. Впрочем, данные, которые по этому поводу приводятся в «Саге об Олаве Тихом» (гл. 4), в общем соответствуют цифрам, которые приводит Гардизи (100–200 человек): «У Олава конунга было сто двадцать дружинников, шестьдесят гостей и шестьдесят прислужников, которые должны были доставлять ко двору всё, что нужно, или выполнять другие поручения конунга. И когда во время поездок конунга по пирам бонды спрашивали его, почему у него больше людей, чем полагается по закону и чем было у конунгов до него, он от-

---

объезды правителем или его представителями подвластной территории с теми или иными сборами и угощениями. Сомнительно, имеет ли какую-либо эвристическую ценность такой генерализующий подход с «всемирно-историческим» замахом.

⁹¹ См.: Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 89–149.

вечал им так: Я не лучше правлю страной и меня не больше бояться, чем моего отца, хотя у меня в полтора раза больше людей, чем было у него. Но вам от этого нет угнетения, и я не хочу вас притеснять»⁹². Что за закон, на который ссылаются бонды, не известно.

По древнепольским грамотам XII–XIII в. известны два основных налога, восходящих к самому началу Польского государства, — так называемые «поральное» (или «поволовое», или «подымное») и «стан» (stan)⁹³. В сущности, это были те же древнерусские дань (в собственном смысле слова), которая на Руси собиралась тоже от дыма, рала и тому подобных единиц, и полюдьё в смысле обязанности кормить правителя и его людей. Stan собирался тоже в разном виде — и деньгами, и мехом, и натуралиями (особенно медом). Эта подать известна также под названием *gościtwa* («угощение»)⁹⁴. Оба этих слова явно отсылают к древнерусским станам и погостам. Вполне вероятно, что в древнейшее время в Польше, как и на Руси, дань и стан предоставлялись населением одновременно при личных объездах страны князем. В таком духе можно понимать одно замечание Галла Анонима, который, идеализируя времена Болеслава Храброго, писал, что тот не притеснял население (I, 12). Согласно Галлу, Болеслав Храбрый «имел повсюду убежища для своих остановок и точно обозначенные службы (*ubi enim suas stationes suumque servitium determinatum habebat*), [причем] охотнее останавливался в городах и крепостях, а не... в шатрах или в поле. И когда он переносил ставку из одного города в другой, он распускал на границе начальников и управителей и заменял их другими. Во время его путешествия по стране никакой путник и никакой труженик не скрывал от короля ни волов, ни овец, и бедняк и богач радостно встречали его появление и вся страна спешила его увидеть»⁹⁵. Указание на «точно обозначенные» подати здесь сочетается с представлением, что население должно «радостно» обеспечивать волами и овцами своего государя, путешествующего по стране с «начальниками и управителями».

⁹² *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1995. С. 465–466. Ср. также в «Сказе об Олаве Святом», главы 38, 57 и 162.

⁹³ Об этих налогах см.: *Modzelewski K.* Chłopi w społeczeństwie polskim. Wrocław, 1987. S. 66–79, 86–92. Ср. также: *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. Warszawa, 1970. T. IV. S. 130 et seq.; Warszawa, 1973. T. V. S. 478–481.

⁹⁴ См.: *Nalepa J.* *Gościtwa*. Przyczynek do leksykologii staropolskiej // *Język polski*. Krakow, 1974. T. LIV. S. 241–246.

⁹⁵ *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Перевод Л. М. Поповой. М., 1961. С. 42.

4. Выводы

Историки до сих пор находятся под мощным влиянием ПВЛ — замечательного памятника древнерусской литературы. Сомнения в достоверности его данных по ранней русской истории, наиболее последовательно выраженные А. А. Шахматовым, не замечаются и прямо игнорируются. Между тем эти сомнения не только подтверждаются, но даже усугубляются. На разобранных примерах (слова «и приспѣ осень», упоминания о подчинении племен и дани с них и, в особенности, хронологические выкладки) видно, как перерабатывал свои источники составитель ПВЛ и занимался «откровенным» сочинительством. Разумеется, это сочинительство должно было выглядеть правдоподобным, и, более того, оно могло представлять даже исторически правильную интерпретацию. Такой интерпретацией было понимание похода Игоря как *осеннего* сбора дани. Однако тут же мы видим и ошибочную догадку, когда летописец связывает «насилия» Игоревой дружины с повышением нормы дани. Разумеется, и та, и другая догадки очень подходят историкам, потому что *объясняют* текст, полный умолчаний и недоговорков.

Трудности в понимании текста ПВЛ и других летописей связаны, конечно, в основном, с текстологическими проблемами. Благодаря А. А. Шахматову эти проблемы стали неотъемлемой частью исследований древнерусской истории, но он только обозначил пути решения этих проблем. Увлечшись своей концепцией взаимоотношения летописных списков и текстов, он все-таки не решился полностью отказаться от мысли о приоритете ПВЛ в восстановлении предшествующего летописания. Данная работа заставляет усомниться в этой мысли. Но, отвергая шахматовскую реконструкцию изменений и взаимоотношений летописных текстов до ПВЛ в целом, надо твердо усвоить основной элемент его концепции: НС был непосредственным и единственным летописным источником ПВЛ, а с другой стороны, НЛМ на протяжении повествования за X в. в целом, за исключением нескольких довольно явно выделяемых вставок позднего происхождения, точно отражает НС. Кроме того, правота А. А. Шахматова подтверждается в том смысле, что НС предшествовали другие этапы летописания, причем, весьма вероятно, этих этапов было несколько и возможны были контаминации. Об этом свидетельствуют вставки, ясно видимые в НЛМ, и дублирование известий (статьи 6448 и 6450 г.).

Анализ первоначального текста, который лежал в основе НС, показал, что тот поход «на дань» или «в дань» к древлянам, который описан в рассказе о гибели Игоря, имел целью собственно сбор дани и этим оправдывался в глазах летописца и, судя по его

рассказу, в глазах самих древлян. Ставка этой дани соответствовала общепринятым нормам и составляла один мех лесной куницы от одного хозяйства. Вместе с тем этот поход представлял собой не только сбор дани, но и «хождение» по населенным пунктам со взиманием всякого рода «корма». В таком виде его можно было назвать полюдьем, хотя сам по себе обычай полюдья восходит, видимо, к более древним временам, не подразумевая сбора обязательной дани, а предполагая лишь некие добровольные приношения и угощения.

Летопись не называет поход Игоря и его дружины «в дань» полюдьем и лишь отмечает, что «насилия», чинимые киевскими «мужами», и попытка князя после ухода основной «дружины» посетить какие-то еще населенные места древлян, вызвали открытое недовольство последних. При этом выяснилось, что у древлян даже есть свой князь. Некоторых историков этот факт заставлял считать, что древляне имели «автономию», а значит, лишь выплачивали установленную сумму дани в Киев и не допускали полюдья; Игорь же нарушил эту «автономию». Такая логика не соответствует летописному тексту и данным Константина Багрянородного. Никаких «формальных» оснований для исключительного положения по сравнению с другими «племенами» у древлян быть не могло. Во всяком случае, в трактате, составленном уже через несколько лет после смерти Игоря, Константин ничем не выделяет древлян среди прочих «славиний». А согласно летописи, Ольга, окончательно подавив сопротивление древлян и, видимо, ликвидировав их князей, делит дань, причитающуюся с них, между собой как их «наместницей» (одна треть доходов) и киевской элитой (две другие трети).

Из сопоставления летописного рассказа с другими (более поздними) данными следует, что надо различать определенный обязательный налог (всегда в виде материальных или денежных ценностей) и некие поборы добровольного характера (в основном натуралии для прокормления). Одно могло называться данью (в этом случае слово «дань» имело узкий смысл), а другое было полюдьем в собственном смысле слова. Но «технически» и сбор налога, и прокормления совмещались (если не всегда, то часто). Все совокупные доходы могли называться тем же словом «дань» (выступавшим уже в широком смысле), а поездку за сбором этих доходов могли называть «ходить в дань» или «ходить в полюдье».

Важно отметить всеобщее распространение практики сбора дани и взимания даров/прокормления в рамках одного «объезда» подчиненной территории. Упоминания полюдья и дани происходят из разных регионов Древнерусского государства (или государств — его преемников). Речь идет об одном принципе обложения налогом

и его сбора, то есть об одном механизме «трибутарного» господства, который использовался при установлении власти руси.

Определения «дружина» и «мужи» употреблены летописцем условно и обобщенно; возможно, он намеренно «эпизировал» свой рассказ, отказываясь от конкретных социальных определений. Только по контексту его рассказа можно заключить, что Игорь в конце своего похода за данью к древлянам оказался в окружении более или менее узкого круга своих личных военных слуг (отроков). С Игорем были и такие «мужи», которые имели, подобно Свенельду, собственных слуг и обладали более или менее самостоятельным положением. Сколько было таких «мужей» при каждом из «архонтов росов», о которых пишет Константин, как делились маршруты «кружения» между отдельными отрядами, которые могли уже возглавлять не сами «архонты», а их люди, — всего этого мы не знаем. В любом случае, социальный состав и структура людей в окружении «архонтов», в том числе и киевского князя, в то время должна была быть еще довольно рыхлой и аморфной. В полюдьё ходили, видимо, все вместе — и князя (архонты), и их «отроки», и люди, служившие князьям, тоже со своими «отроками». Доходы, полученные от сбора дани, делились более или менее уравнилельно (ср. недовольство «дружины» обогащением Свенельда). В этой системе разница между более выдающимися «мужами» типа Свенельда, составившими позднее высшую знать, и рядовыми — позднее низшей знатью — еще не обозначилась достаточно резко и ясно.